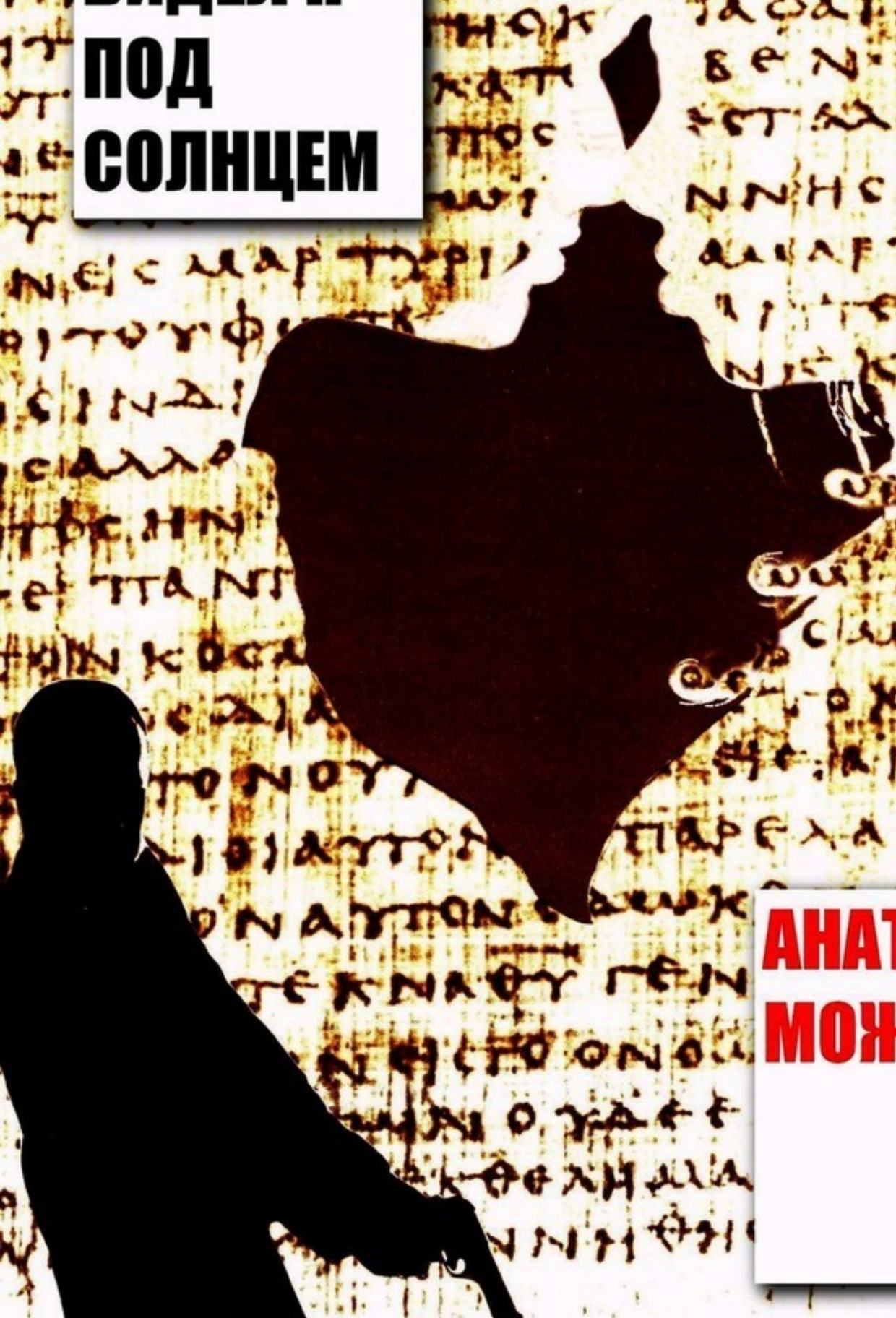

**ЕСТЬ ЗЛО,
КОТОРОЕ
ВИДЕЛ Я
ПОД
СОЛНЦЕМ**

**АНАТОЛИЙ
МОЖАРОВ**

Анатолий Можаров

**Есть зло, которое
видел я под солнцем**

«Издательские решения»

Можаров А. Д.

Есть зло, которое видел я под солнцем / А. Д. Можаров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503236-2

Заурядный репортаж журналистки Лизы Никольской оборачивается для нее кошмаром наяву. Ей пытается помочь художник Степан Нетленный. Чтобы противостоять убийцам, они вынуждены вникать в подробности истории... библиотеки русских царей, о которой что-то слышали, но ничего толком не знают. А таинственный убийца вовсе не собирается оставлять им времени на разгадывание исторических загадок... «Есть зло, которое видел я под солнцем...» — увлекательный детектив с неожиданными сюжетными поворотами.

ISBN 978-5-00-503236-2

© Можаров А. Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	27
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Есть зло, которое видел я под солнцем

Анатолий Дмитриевич Можаров

© Анатолий Дмитриевич Можаров, 2019

ISBN 978-5-0050-3236-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Москва, центр. Одиннадцать часов утра 29 июня 2006 года.

Сначала он не понял, что ЭТО произошло с ним. Он просто не мог поверить в то, что это произошло, и в его печени торчит бандитская заточка, включившая секундомер последних мгновений жизни. Его жизни!

Может быть, самым ужасным было то, что сознание продолжало ясно работать, пока тело умирало.

Всего несколько минут назад он стоял, с легкой печалью раздумывая о том, что подходит к концу еще одно его жизненное испытание. Судьбе было угодно постоянно ставить его в жесткие условия выживания, подбрасывая проблемы одну за другой, но вполне оптимистичное кредо – выжить любой ценой – никогда его не подводило. До этого утра.

Цепляться за жизнь не имело смысла – в этом не было никаких сомнений, а жить хотелось, и мозг в бесполезном ажиотаже продолжал искать выход из происшедшего. Тело еще могло двигаться, чувствовать, он мог продлить свою жизнь примерно на полчаса, если не вытаскивать заточку из правого бока... Но он не мог не понимать, что эти полчаса – совсем не то, что ему нужно. Ему хотелось бы жить больше, чем полчаса, ему хотелось бы жить еще годы и годы.

Теплый полдень конца июня обещал проходившим мимо людям приятный вечер, которого у него уже не будет. Он оглянулся вокруг, словно впервые видел знакомую с детства старую Москву. И она показалась ему такой дорогой, такой милой, что слезы сами покатались из глаз.

Потом он опустил взгляд, увидел носки своих полуботинок и подумал, что если бы он остался жить, то наверняка к осени купил бы новые. И эта странная для умирающего человека мысль вдруг так обожгла его сознание, что ему захотелось кричать и плакать навзрыд. И, возможно, именно так – в слезах и зубном скрежете – он ушел бы из жизни, но в последнее мгновение он поднял голову и увидел того, благодаря кому он теперь умирает с заточкой в печени. И вопль замер в горле без десяти минут труп.

Глава 2

– Аллю, Стэн?

– Вы позвонили в студию великого русского художника Степана Эдуардовича Нетленного. К сожалению, его сейчас нет на месте. Вы можете оставить голосовое сообщение после двадцать четвертого звукового сигнала...

– Слушай, ты, художник с большой буквы Х...

– Надеюсь, Х – это аббревиатура от слова «хороший».

– Надейся, надейся...

– А как ты догадалась, что это я, а не автоответчик?

– У твоего монструозного телефона нет автоответчика, если ты не в курсе.

– А-а-а-а-а... Вот это я лоханулся, так лоханулся.

Разговаривая по городскому телефону, Стэн (а именно так он представлялся при знакомстве, так его называли друзья и, главное, этой аббревиатурой-псевдонимом он подписывал свои сугубо реалистические картины, почти не пользующиеся у эстетов от живописи спросом) закончил писать ключевые слова, убрал пальцы с клавиатуры компьютера и, установив мышкой стрелку на символе «Найти», заставил Yandex поработать на себя селектором источников информации.

– Э-эй, – оторвал его от компьютера женский голос из телефонной трубки. – Ты за компьютером сидишь? В интернете? И это в ту минуту, когда с тобой в кои-то веки разговаривает неотразимая Лиза Никольская?

Стэн знал Лизу уже не первый год, и их связь не была похожей ни на что, возникавшее у него раньше. Они были больше друзья, чем любовники. Она журналистка, пишущая для малотиражного еженедельника «Астрал», порой пропадающая на недели и совсем неадекватная в период творческой активности – в это время к ней лучше даже не звонить. Кроме того, Лиза тяжело переносит критику – с этим к ней лучше не соваться. Наконец Лиза – сторонник Гринепресе, вегетарианства и минимализма во всем, что касается окружающего ее пространства. Стэн был охотником, всю эту «чушь зеленую» даже не хотел обсуждать, а вообще его жизнь была жизнью одинокого волка. Впрочем, слово «волк» в его случае – просто затертый шаблон. В минуты откровения с самим собой он сравнивал себя с одиноким псом, причем непородистым псом-неудачником. Хотя в этом он был не совсем прав, поскольку случись у другого столько вовсе не романтических приключений, на которые судьба Стэна оказалась щедра, скорее всего, по этому другому уже давно отзвучала бы панихида. Стэну же удавалось всякий раз каким-то чудом выворачиваться, и уже одно то, что печально знаменитый возраст Христа не стал для него роковым, можно считать необыкновенной удачей. Но однажды ему, в виде исключения из правил, повезло не только вывернуться, но и стать вдруг сказочно (как ему тогда казалось) богатым. Грамотно подготовленный коварными злодеями на «заклание», Стэн не только не стал козлом отпущения, но и присвоил у неплохо организованной группы жуликов без малого миллион долларов США.

Факт обладания этой суммой Стэн совсем не спешил афишировать, но позволял себе реализовывать с ее помощью детские мечты о путешествии по миру. И не просто о путешествии – приехал с открытым ртом – сделал селфи – уехал с альбомом впечатлений. А о путешествии с возможностью узнать чужую страну и чужую природу изнутри, постепенно, смакуя каждый глоток тропического или арктического воздуха. Он то отправлялся добровольцем в национальный парк Гона-ре-Жоу на юге Зимбабве, чтобы помогать зоологам, изучающим носорогов; то летел в Камбоджу, чтобы участвовать в качестве добровольца в поисках все новых и новых храмов и дворцов комплекса Ангкор, некогда спрятанных джунглями от глаз людей; то отправлялся в экспедицию на Тянь-Шань искать остатки НЛО, разбившегося в урочище

Шайтан-Мазур; то принимал участие в экспедиции на остров Беннетта в архипелаге Новосибирских островов для поиска следов экспедиции Эдуарда Толля. Тогда из Москвы надолго пропал он.

Они с Лизой были просто идеальной парой – никаких притязаний на взаимную свободу и естественная потребность друг в друге, когда случайно оказывались вместе в Москве. Сейчас был как раз такой случай – Стэн уже несколько дней сидел в своей студии, рыская по интернету в поисках новых приключений на свой еще не отдавший дань радикулиту крестец, а Лиза только что вернулась из очередной командировки за высосанными из пальца сенсациями, позволявшими совершенно безбедно существовать не столько ей, сколько ее главному редактору и по совместительству владельцу «Астрала», Сергею Сергеевичу Ткаченко, за глаза которого сотрудники звали Астралопитеком.

– Стэнчик, милый, – вернул задумавшегося волонтера к реальности нежный голос трудящейся на почве журналистской поденщины Лизы. – Я стала забывать, какого цвета у тебя глаза...

– Карие. Но, судя по меркантильным модуляциям твоего голоса, цвет моих глаз – это только предлог... – Стэн оторвал взгляд от монитора и так заинтересованно посмотрел на телефонный аппарат, словно это был не старый, неуклюжий эбонитовый монстр черного цвета, а миловидная девушка, в нечаянном наклоне обнажившая грудь немного больше допустимого вырезом.

– С тобой неинтересно разговаривать. Ты сразу обо всем догадываешься.

– Подожди, я сейчас угадаю, о чем пойдет речь дальше.

– Попробуй, дедукт ты мой.

– Зная твою щепетильность в вопросе о деньгах, я вынужден их исключить. Заодно и мои связи исключаю, поскольку у тебя связей намного больше, чем у меня, да и мои знакомства не того профиля, который тебя мог бы заинтересовать. Остается... моя машина.

– А вот и не угадал! Мне нужен ты...

– О, Боги! Иль прозевал я тот момент, когда два полюса земных местами поменялись?

– ...ты вместе с твоей машиной.

– Вам слава, завсегдаи Олимпа! Конец света откладывается! И что же мы будем делать в моей машине?

– ЭТО самое...

– Звучит заманчиво! – Стэн нарочито громко сглотнул. – Но с чего вдруг такая фантазия, почему в машине?

– А на чем мы еще сможем добраться до Раменского?

– Солнце мое, если я задам глупый вопрос, ответь мне саркастическим хохотом: почему для ЭТОГО нужно добираться до Раменского?

– Потому что там дача одной нашей читательницы, вырвавшейся, судя по всему, ненадолго из «Канатчиковой дачи». Она позвонила в редакцию, и попросила, чтобы именно я, как лучший журналист всех времен и народов, приехала к ней и убедилась, что у нее на даче барабашки с чебурашками в пятнашки играют на чердаке, а НЛЮ черпают энергию в «туалете типа сортир». Стэнчик, я только что вернулась из Барнаула, куда сама напросилась. Снежный человек, которого там застрелили и заморозили охотники, оказался орангутангом, сбжавшим из гастролирующего зооцирка. Наш Астралопитек был просто в бешенстве. Вместо сенсации пришлось писать идиотскую статью, наполненную недомолвками и сомнениями: а вдруг это все-таки нэ облизына...

– Сочувствую.

– И еще, – Лиза решила, что пора поднимать ставки, – Астралопитек сегодня рассказал анекдот. Грязный такой бомж подсел в парке на скамью к симпатичной девчужке, посмотрел на нее и предложил ей надкусанное яблоко с прилипшими к нему собачьими волосами. Она

с отвращением отпрянула, а он такой с обидой говорит: «Я так понимаю, что о сексе не может даже речи идти?»

Стэн усмехнулся.

– Все, кроме меня, заржали, а он смотрел как раз на меня. Этаким сентябрем. И вдруг говорит: «Шеф дает вам, Лиза, шанс реабилитироваться». Стэнчик, поехали, ты меня туда свозишь? А уже пот-о-о-о-ом...

– Лиз, – нарочито жестко отчеканил Стэн. – У меня есть одно условие. Ты не впутываешь меня...

– ...ни в какую историю! Стэн, ну, какая история?! Съездим на дачу к чокнутой тетке, и все!

– В прошлый раз ты говорила практически то же самое...

– Значит, завтра сутра ты за мной заедешь! Ну, пока, целую тебя в курносый кончик...

– Кончик чего?

– Пока что носика.

Пока Лиза говорила со Стэном, она успела выбраться из ванной, накинуть махровый халатик, вытереть полотенцем голову, сесть за стол в гостиной, отхлебнуть горячего кофе из маленькой чашки и в завершение всего вычеркнуть фломастером три мужских имени в блокнотике – Матвей, Василий и Кирилл. Невычеркнутым осталось четвертое в списке из четырех имен – Стэн.

Свет утреннего солнца, пробившегося сквозь молодую листву яблоневых деревьев и занавески из тонкого синтетического тюля, холодно очертил скульптурно выразительное лицо Никиты. Он еще тяжело дышал, и появившаяся минуту назад испарина над верхней губой пока не сошла. Форма рта многое может сказать о его владельце сведущему человеку. Но о том, что в уголках губ Никиты скрываются признаки самых разнообразных пороков, понял бы даже несведущий. Мила Львовна, опершись на локоть, с приятным чувством владелицы породистого жеребца, смотрела, улыбаясь на Никиту, и ей было совершенно невдомек, о чем он думает теперь, сразу после секса, и что просчитывает в уме, задумчиво глядя в потолок.

– Пора, – наконец проронила она нехотя. – А то скоро приедут эти... из газеты. И муж звонил...

Упоминание о муже сразу вернуло Никиту к действительности.

– Милуша, ты обжигаешь мне сердце, когда вспоминаешь в такой момент о нем. Пропади он пропадом! Я не хочу делить тебя с ним!

– И что же нам делать? – равнодушно проговорила Мила, не меняя выражения красивого, но, увы, стареющего лица. – Я не хочу разрушать то, что создавала с таким трудом. Квартирный вопрос, дележ моего бизнеса... Нет, не хочу даже думать об этом.

Никита сбросил с себя тонкое одеяло, легко приподнялся и сел, повернувшись к Миле спиной.

– Иногда мне кажется, что я готов его убить! – совершенно искренне произнес Никита, немного переиграв только в интонации.

На самом деле даже хорошо знавшему его человеку было бы непросто понять, что от Никиты можно ждать – только подлости и хитрости, или же способности пойти на преступление ради денег, на убийство. Мила Львовна тоже не знала этого наверняка.

– Не говори глупостей, – словно ребенку, то ли отговаривая его, то ли подначивая, настаивательно выговорила Мила Львовна. – Во-первых, он брат твоей матери, твой близкий родственник, дядя.

– А, во-вторых?

– Во-вторых, нам и так хорошо. Вадим ни о чем не догадывается...

При последних словах Никита резко повернулся, бросив на Милу полный вызова взгляд, но увидел, что она уже стоит в пеньюаре у зеркала и не видит этого всплеска эмоций. Никита, отвел глаза, вспомнил о своих проблемах и, заметив, что ремень на джинсах все еще не застегнут, аккуратно подтянул им начавший округляться животик.

– Милуша, я хотел тебя попросить... Мне нужно где-то срочно занять немного денег... тысяч двести и...

– Я купила тебе подарок, – Мила Львовна произнесла это так, словно и не слышала слов любовника. Разглядывая себя в зеркало трюмо, она легко решила важный вопрос – нанести макияж не сейчас, а немного попозже. После чего достала из стоявшей перед зеркалом шкапулки ключ, открыла им верхний шкаф трюмо и достала из него бархатную коробочку. Никита, скосив глаза, заглянул в открытый шкафчик и заметил пачку пятитысячных купюр толщиной в палец. «Тысяч пятьсот», – прикинул он.

Когда Мила обернулась к Никите, он уже с улыбкой, очень удающейся ему наивной улыбкой, смотрел в глаза своей Милы. Поступью королевы она подошла к нему, обвила руками шею и страстно поцеловала любовника в мягкие, полные губы. Бархатная коробочка оказалась у самых глаз Никиты, он взял ее, с любопытством открыл и с удивлением увидел дорогую зажигалку.

– Милуша, это же Каран дэ Аш! Она же стоит не меньше полусотни тысяч!

– Милый, я готова дарить тебе дорогие подарки, но не хочу платить за секс деньгами, как в публичном доме.

– Милуша, я же прошу займы. Я обязательно отдам... потом.

– Мы уже проходили это «потом».

Утренняя Рязанка сразу за виадуком МКАД оказалась неожиданно свободной, и Люберцы удалось проскочить за считанные минуты. У московских дорог есть свои дни и часы пик, благодаря которым они становятся похожими на кровеносные сосуды или муравьиные тропы, движение по которым не иссякает, кажется, никогда. Чтобы выбраться летом из столицы в пятницу вечером по дорогам, заносчиво относимым дорожниками к разряду автострад, нужно рассчитывать, по крайней мере, на часовую пробку. С субботы на воскресенье въезд и выезд из Москвы самые свободные. Вечером же в воскресенье и утром в понедельник пробки обязательны на въезде. В прочие будние дни они могут и не образовываться, хотя легкий «поцелуй» двух и более транспортных средств легко собирает на ровном месте кучу машин, и об этом бодро оповещают стоящих в этих самых пробках всегда веселые ведущие «Автордио».

Был будний день, среда, и отсутствие выезжающих из Москвы машин делало дорогу нереально пустынной, особенно по контрасту с соседней частью, по которой спешили прорваться в столицу многочисленные легковушки и автобусы из ближних и дальних пригородов – на работу ехали жители Подмосковья, и москвичи-дачники, надышавшиеся кислородом, нехотя возвращались в смог мегаполиса.

Глядя на медленно ползущую трехкилометровую вереницу машин параллельной полосы, Стэн эгоистично радовался оттого, что для него и Лизы начало пути оказалось удачным – до Быково пролетели, нигде не притормозив.

В Жуковском начался дождь, асфальт мгновенно потемнел, и шины автомобилей зашумели так, словно кто-то отрывал длинную ленту скотча, приставшего к стеклу. Летние дожди желанны, сильны и стремительны – вскоре Стэна ослепило солнце, игравшее в каждой повисшей на растениях капле влаги, и асфальт запарил, словно только что вынутый из печи.

Услышав через приоткрытое окно внедорожника какой-то знакомый шум, Стэн поднял глаза и увидел спортивный самолетик, словно бы повисший в небе.

– Вспомнил! Я бывал здесь как-то, на авиашоу «Макс».

Плавню крутанув руль, Стэн добавил:

– А в дачный кооператив, по-моему, нужно сворачивать сюда, на Кратово.

Машина въехала на территорию дачно-садового кооператива с ностальгическим названием «За индустриализацию».

Попетляв среди разномастных заборов из профнастила или сетки-рабицы, в каждом переплетении ромбов которой все еще поблескивали искрящиеся капли, дорога привела их на улицу Чехова. За заборами возвышались сосны и старого «покрыя» дачные дома «на две семьи». По замыслу проектантов, по-видимому, развитие чувства собственности, порождаемое индивидуальными участками, должно было компенсировать коммунальное по своей сути жильё.

Дом Вахмистровых совершенно не бросался в глаза. В отличие от новостроек он сохранил, судя по всему, свой исходный облик. Стэн проехал мимо, потом вернулся, ориентируясь на номера домов, но снова проскочил нужный. Наконец, они с Лизой решили оставить машину в тени сосновых крон и отправились на поиски пешком.

Хозяйка, Мила Львовна Вахмистрова, ждала гостей на веранде.

– А я смотрю, незнакомая машина туда-сюда ездит под окнами... Уж не ко мне ли? Вы не из газеты? – промурлыкала она, спускаясь по ступеням крыльца навстречу Лизе и Стэну. – Вы Лиза?

– Да, я вам звонила. А это Степан. Мой...

– Я понимаю, – вывела из затруднительного положения замешкавшуюся Лизу Мила Львовна. – Бой-фрэнд, как сейчас говорят. Пожалуйста в наши апартаменты, в «Сумасшедший дом», как говорит мой муж.

«Она знает, – подумал Стэн, – что „эпатмент“ на английском означает „садовый домик“, или так шутит про свой домишко?».

Внутри «Сумасшедший дом» выглядел очень уютно. В отличие от модного нынче дизайна «под старину», здесь историю не имитировали, а реально проживали люди, и эти люди имели весьма разные вкусы.

– Может быть, чайку с дороги? – предложила гостеприимная хозяйка.

Миле Львовне очень шло ее имя – так и хотелось произнести «какая милая женщина». Ее густые каштановые волосы придавали улыбчивому лицу с пронизательным взглядом карих глаз выражение солидности. Что как-то не вязалось с некоторой суетливостью в поведении.

– Спасибо, – возразила Лиза. – Мы добирались до вас не больше часа, так что дорогой это назвать нельзя. И хотелось бы сразу увидеть главное... Мы вообще-то немного торопимся...

– Ну, без чая я вас все равно не отпущу, – категорично заявила Мила Львовна. – В кои-то веки из любимой газеты... А главное... Главное у нас на чердаке. Вот сюда пожалуйста, по лесенке...

Женщины стали подниматься первыми по крутым ступенькам. Идя за ними вслед, Стэн по инерции взглянул вверх и уткнулся взглядом в обтянутые белыми брюками ягодицы Лизы, после чего фантазии мгновенно унесли его в медленно приближающееся «а уже пот-о-о-о-ом...».

– Мила Львовна, а когда кооператив получил такое интересное название «За индустриализацию»? – решила поддержать беседу Лиза.

– А-а-а-а... Это давно, в тридцатых годах. Здесь давали участки рабочим от завода имени Серго. Тогда же ценили рабочий класс – вон сколько, по двадцать соток давали. Ну, не только рабочим... Здесь и артистам дачи давали, и ученым, и из органов некоторым. А теперь вот новые русские покусали чуть не все...

– Занятно.

– Вот, посмотрите, – Мила Львовна открыла старый зеленый сундук с металлическими наугольниками, отчего в проникающем через слуховое окно луче за клубилась пыль, и выта-

шила из него кипу бумаг и конвертов. – Вот, здесь есть такие загадочные послания, какие-то шифры, планы... Я думаю, ОНИ охотятся за этими бумагами.

– Кто они? – наивно поинтересовался Стэн.

– Как кто? – удивилась Мила Львовна, слегка поджав губы. – ОНИ!

– Ах, да... – поправился Стэн, но было поздно. Больше Мила Львовна к нему не обращалась, демонстрируя свои «сокровища» исключительно Лизе, проявившей полное понимание того, кто такие ОНИ.

– А вы разрешите мне это сфотографировать? – спросила Лиза так, словно уже никуда не торопилась и боялась только одного – ответа «нет».

– Конечно, Лизонька! Можно, я буду вас так называть? Ведь ради этого я вас и пригласила сюда, – радостно объявила Мила Львовна, раскладывая на крышке сундука конверты, письма и планы, которые Лиза щелкала, держа на вытянутых руках перед собой цифровую мыльницу. Вспышка на мгновение озаряла комнату, и женщины согласованными движениями, словно сообщницы, убирали одни и раскладывали на крышке сундука другие бумаги. В их слаженных, целеустремленных действиях было что-то от шпионов из старых советских фильмов.

По окончании съемок компания спустилась вниз в том же порядке, в котором поднималась, и Мила Львовна принялась хлопотать с самоваром на веранде, чтобы напоить гостей чаем. При этом она ни на секунду не умолкала, сообщая подробности того, чем обнаруживали себя ОНИ. Оказалось, что однажды ОНИ перерыли весь чердак, но, видимо, открывать сундуки их цивилизация еще не научилась, и все бумаги остались в целостности. В результате ОНИ взяли старый алюминиевый таз, в котором когда-то Вадик, муж Милы Львовны, использовал для промывки фотографий после фиксажа. Их заинтересовал и большой моток медного провода, которым Вадик хотел заменить алюминиевую проводку в доме.

Расставлять на столе чашки хозяйке помогала Лиза, а Стэн пристроился на краешке дивана, возле этажерки, на которой лежали подшивки «Астрала». Некоторые фразы и даже целые абзацы лежащей сверху «передовицы» были подчеркнуты разноцветными фломастерами.

– Я заметила, что ИХ интересуют только цветные металлы, – доверительно сообщила о своем наблюдении Мила Львовна.

– Как вы думаете, – испытующе прищурившись, спросила Лиза. – Чем это можно объяснить?

– Я думала над этим, – дежурная улыбка исчезла на время с лица Милы Львовны, она явно ожидала подобный вопрос. – Вполне возможно, что у НИХ проблемы с тарелкой.

– С какой тарелкой? – поинтересовался Стэн, почти не слушавший Милу Львовну, и тут же пожалел, что встрял в разговор, поймав испепеляющие взгляды двух пар женских глаз.

– С летающей, разумеется! – голосом директора гимназии заявила Мила Львовна. – ИМ нужен стройматериал, запчасти и топливо.

– А что с топливом? – испуганно спросила Лиза, оторвавшись от чашки чая, ароматизированного вялым листом бадана.

– С топливом – самое таинственное! – перешла вдруг на громкий шепот Мила Львовна, которая даже не успела из-за разговора притронуться к своему чаю. – ОНИ, по-видимому, пользуются таким топливом, для активации которого необходим спиртовой раствор. Дело в том, что на веранде у нас стоит тумбочка с аптечкой, так вот все спиртосодержащие препараты...

– А можно воспользоваться туалетом? – перебил рассказ о самом таинственном Стэн.

И снова дамские глаза метнули в него по снопу искр, прежде чем Мила Львовна объяснила, что туалет за домом.

Услышать продолжение загадочной истории Стэну было не суждено, но зато в туалете ему попались на глаза аккуратно нанизанные на гвоздик в стене прямоугольные газетные куски размером чуть больше ладони. Стэн сразу же узнал в них «Астрал».

– В самом деле сумасшедший дом, – прошептал Стэн. – А Лизка пишет свои статьи для душевнобольных.

Провожая гостей, Мила Львовна вышла на веранду, и попросила сфотографировать ее на фоне дома, что Лиза незамедлительно сделала, выставив в меню фотоаппарата самое высокое разрешение.

– А эту фотографию вы поместите в газету?

– Обязательно, Мила Львовна, – бодро отработовала Лиза. – Думаю, она пойдет на титул, во всю полосу!

– Ой, смотрите, а вот и Вадик приехал из Москвы, – с наигранной радостью сообщила Мила Львовна, напряженно глянув куда-то за спины гостей.

Будто по команде Лиза и Стэн обернулись. По улочке к дому шел нагруженный сумками мужчина лет пятидесяти с лишком. Одинокую прядь седых волос, очень приблизительно маскировавшую обширную лысину, ветерок то откидывал с его лица, то закрывал ею мужчине глаза, и тогда он вертел головой, как собака, чтобы убрать волосы с глаз – руки были заняты.

– Как он, бедный, волок все это? – жеманно пожалела мужа Мила Львовна и, уже обращаясь к мужу, громко добавила с нотой сожаления в голосе: – Ты мой верблюдик, я тебя совсем заждаюсь...

Стэн взглянул на Милу Львовну, и в этот момент маленькое облачко буквально не секунду закрыло солнце. Но и этого мгновенья было достаточно, чтобы Стэн поразился тому, как игра света и тени изменила приветливо улыбающееся лицо немолодой женщины. Она уже не выглядела добродушной домохозяйкой. Жесткие складки по углам ее губ вдруг заставили Стэна подумать о том, что в действительности Мила Львовна может быть женщиной весьма решительной. Такая женщина не могла пригласить корреспондента для того, чтобы показывать и рассказывать ему всякую ерунду про инопланетян. Тогда зачем? Стэн задумался и снова взглянул на подошедшего уже «верблюдика».

Поправив движением мышц лица совсем сползшие на кончик носа очки и скорчив при этом нелепую гримасу с открытым ртом, мужчина заметил гостей и сокрушенно произнес:

– Отец попал в больницу.

– Да, что ты! – протянула Мила Львовна таким голосом, что не оставалось сомнений – ее это известие не особенно тронуло. – Что с ним?

– Предынфарктное состояние, – покачал головой «верблюдик». – Я скорую вызвал.

Снова посмотрев на гостей, мужчина вдруг спросил, словно они не могли его слышать:

– Это из газеты, что ли?

– Да, – радостно подтвердила Мила Львовна, – Из «Астрала»...

«Верблюдик» диковатым взглядом уставился на «газетчиков».

«Да здесь просто заповедник придурков, – подумал Стэн. – Наверное, это на них так самолеты действуют».

А самолеты и в самом деле разошлись не на шутку, тархтели и верещали над самой головой, словно их задача сводилась прежде всего к тому, чтобы сделать дачников невротиками.

– Извините, что я вмешиваюсь, – вдруг произнесла Лиза. – Ваша жена рассказала такие интересные вещи, которые происходят на вашей...

– И вы поверили во всю эту чушь? – перебил Лизу Вадик.

«Похоже, не такой уж он и придурок», – подумал Стэн.

– Не важно, поверила ли я, – с улыбкой ответила Лиза. – Важно, чтобы поверили читатели.

Мужчина молча уставился на Лизу, вдруг в его лице что-то неуловимо изменилось, и он предостерегающе понизил голос:

– Вы знаете, девушка, на этом доме лежит проклятье...

«Нет, все-таки я тороплюсь с выводами, – пришла Стэну мысль в порядке самокритики».

– И это проклятье, – продолжал между тем мужчина, – неминуемо падет на вас, если вы решите опубликовать этот материал. Не делайте этого, пожалейте себя...

– Я подумаю над вашими словами, – уклончиво ответила Лиза, и кивнула головой, прощаясь.

Стэн с Лизой пошли к машине, а Вахмистровы стояли и смотрели им вслед. Мила Львовна улыбалась, а Вадик морщился и тяжело дышал. Его седую прядь разметал ветер и пронзили солнечные лучи. Он чем-то напоминал в этот миг библейского пророка. Когда мотор негромко заурчал, и Лиза помахала в открытое окно внедорожника рукой, мужчина вдруг вскрикнул:

– Запомните мои слова: проклятье падет на вас!

– Вот, идиот! – прошипела Лиза, закрывая окно.

– А ты будешь писать про эту дачу?

– Стэн, я тебя умоляю... Ты думаешь, Астралопитеку интересно, падет на меня проклятье или нет? Оно на меня падет как раз в том случае, если я не напишу статью. Он сразу вспомнит мне деньги, потраченные на поездку в Барнаул, а заодно сегодняшний день посчитает, как отгул за мой счет... Разумеется, я напишу статью. И напишу так, чтобы у читателя захватило дух. – Лиза выпалила все это с некоторым раздражением, но потом с нотой оптимизма в голосе добавила больше для себя:

– Я по опыту знаю, что самые эффектные статьи получаются из самого слабого материала. Вроде сегодняшнего... Кстати, фотки нужно перекинуть.

Лиза вынула из сумки ноутбук, открыла и включила его. Пока компьютер загружался, она достала из фотоаппарата карту памяти и вставила ее в подходящий порт ноутбука. Ей потребовались несколько минут, чтобы скачать снимки на жесткий диск компьютера.

– Вот, черт! – воскликнула она, покопавшись в сумке. – Нет свежей флешки.

Просмотрев пару флешек на компьютере, она выбрала одну с семейными фотографиями и скопировала туда последние снимки.

– Но ты же поняла, – продолжал между тем Стэн, – что ее муж категорически против публикации...

– Муж не хочет, а жена хочет, – продолжая заниматься со снимками, отшутилась Лиза. – Их, Вахмистровых, не поймешь...

– Это у нас такие принципы?

– Что ты, милый, – вдруг холодно возразила Лиза, закончив возню с компьютером и закинув все на заднее сиденье, – позволить себе такую роскошь, как принципы, из нас двоих можешь только ты, поскольку ни от кого не зависишь в финансовом плане, а я завишу. И мне нужно выжить в этом волчьем мире, в котором принципиальных нищих съедают первыми.

Стэн хотел было извиниться, но передумал, и больше они не разговаривали до самой Москвы.

Внедорожник встал у дома Лизы, она собрала вещи в сумку, молча выбралась из машины и уже завела руку, чтобы громко хлопнуть дверкой.

Исключительно для того, чтобы потешить оскорбленное самолюбие, Стэн подумал, что она могла бы сказать «спасибо», но вместо этого вдруг произнес:

– Как я понимаю, о сексе не может быть даже речи...

Голубые глаза Лизы становились почти белыми, когда она злилась не на шутку. Именно такими глазами она посмотрела на Стэна, спокойно захлопнула дверку машины и ушла. Стэн смотрел ей вслед еще минуты три – пока Лиза не исчезла из вида – но она так и не обернулась.

Статья никак не шла. Лиза сидела над ней уже второй день, а текста набралось всего на страницу, да и тот не ахти... Время от времени она выводила на монитор ноутбука фотографии, сделанные на даче у Вахмистровых, вчитывалась в переснятые документы из сундука и снова открывала вордовский файл, чтобы записать пару-тройку предложений. После чего зевала, и все мысли сводились к одной – а не сварить ли кофейку. Только раз она остановила взгляд на снимке, где был изображен улыбающийся чему-то Стэн. Лиза смотрела на фото добрыми, почти фиолетовыми глазами и не могла вспомнить, чему же он улыбался. Потом она вдруг встряхнула головой и, закусив нижнюю губу, продолжила писать статью.

А в это самое время Стэн, сидя в своей мастерской, рисовал на листе бумаги карандашом нож, торчащий между ушей. Точнее не рисовал, а копировал с картины Босха «Сад земных наслаждений». Рисунок был сформирован уже в общих чертах, когда грифель от сильного нажима вдруг сломался, и Стэн с досадой швырнул карандаш в угол. Сцепил пальцы рук на затылке, закрыл глаза и так сидел, ни о чем не думая и ничего не желая.

Небольшой кабинет Астралопитека был насквозь прокурен. Правда, надо отдать должное, он был прокурен дорогим, ароматным табаком – главный редактор «Астрала» курил трубку и даже коллекционировал курительные трубки, как Жорж Сименон. Правда, на этом их сходство заканчивалось.

В подражание кому-то еще он завешал все стены кабинета разнокалиберными портретами Троцкого, Ленина, Сталина, Кирова, Молотова, Булганина, Кагановича и иже с ними. Когда Астралопитек вызывал к себе на ковер, чтобы сделать выговор или оштрафовать, деятели российской революции смотрели на вошедшего строго, с укором и даже презрением. И кабинет казался подвалом испанской инквизиции. Если же наоборот, приглашенного ждало поощрение, Берия, Хрущев и Маленков, казалось, радостно улыбались и только не подмигивали игриво. Ну, и кабинет тогда выглядел уютно и приветливо.

Еще не зная, зачем ее вызвал Астралопитек, Лиза на всякий случай приняла «боевую стойку» и решительно отворила пластиковую дверь с надписью «Главный редактор» на стекле. И только заметив улыбку на лице главреда, уткнувшегося в разворот газеты с Лизиной статьей, она не столько увидела, сколько почувствовала доброту в глазах вождей революции.

Через пару минут она уже шла, сияя, по коридору редакции и набирала номер Стэна.

Складывая в сумочку разную женскую мелочь, Мила только на секунду задержала взгляд на муже и с удивлением отметила, что он лежит точно так же на спине, как лежал Никита несколько дней назад. Лежит на том же самом месте, где лежал Никита, и точно так же задумчиво смотрит в потолок.

– Не понимаю, чего ты так злишься, – капризно произнесла Мила. – Никаких семейных скелетов эта статья на свет не вытащила. Чем ты так недоволен?

– Я не злюсь и всем доволен, – проворчал Вадим так, чтобы было понятно, что он недоволен и злится.

«Нашел повод губы дуть, – подумала Мила. – Вот знал бы ты про нас с Никитой...»

Автомобильный гудок за окном заставил Милу отвлечься от пустых мыслей и откинуть в сторону занавеску.

– Сейчас, сейчас, уже иду! – Мила помахала водителю рукой и повернулась к мужу.

– Не хочешь ехать, оставайся! А у меня запись в салон. И в кулинарию необходимо наведаться. Я пошла. И приборки на столе, на веранде.

«Да, да! Вы правильно подумали, наши любезные читатели. В этом странном пиратском сундуке, на чердаке этого странного дома с привидениями мы обнаружили сенсацию — план, зовущий нас в хранилище библиотеки русских царей – знаменитой Либереи».

Прочитав эти строки в только что купленном в киоске у метро номере «Астрала», Стэн криво усмехнулся и медленно покачал головой. И было трудно понять: то ли он восхищается умением Лизы превратить абсолютно провальный материал в увлекательный очерк, то ли осуждает ее за слишком вольную трактовку фактов.

Звонок по мобильному телефону прервал так и не сформировавшееся мнение Стэна по поводу Лизиних талантов.

– Стэн, ты сильно на меня обиделся? Я, честно, ругаю себя последними...

– Лиз, прости! Это я не должен был так говорить и...

– Стэн, давай «проехали»! Приходи ко мне сегодня часов в шесть. Больше никаких приключений, обещаю. Просто побудем вдвоем.

– Я почти прочел твою статью. Ты знаешь, мне... понравилось! Неожиданно как-то...

– Шефу тоже понравилось. Хвалил. Правда, без намеков на премию. А уж Мила как довольна! Она звонила. Стэн, приходи. Я буду ждать.

После кулинарии, где у Милы был небольшой кабинетик, как у владельца этого заведения, и общения с главным бухгалтером, которой Мила не очень-то доверяла в финансовых делах, она отправилась в модный салон. Здесь она как бы невзначай вспомнила о том, что наконец-то разрешила надоевшим ей уже журналистам взять наконец-то у нее интервью, достала из сумочки газету и развернула на нужной полосе. У парикмахерши, с которой Мила знакома уже лет пять, глаза расширились в радостном удивлении, она подозвала подруг, и все с завистью закачали головами и едва ли не хором принялись поздравлять Милу. Довольная не столько вниманием, сколько обилием завистливых взглядов, подсмотренных в зеркале, Мила самоуверенно улыбнулась и достала из сумочки телефон.

– Никита! А что ты не звонишь? Я в столице.

– Милуша... Ты знаешь... Я не в Москве, – как-то неуверенно пророкотал в трубке голос Никиты. – Мне пришлось срочно уехать. По делам.

– По каким еще делам?! Какие у тебя могут быть дела? Ты опять во что-то вляпался?

– Ни во что я не вляпался! Я потом тебе все объясню. Не могу говорить.

В автомобиле, припаркованном у зеленого забора из профнастила, сидели четверо. Сидевший на переднем пассажирском сиденье Никита с досадой отключил телефон и сунул в карман куртки. Из разбитой, распухшей губы сочилась кровь, и Никита слизывал ее время от времени, не решаясь повернуться к тем трем, которые молчали и осторожно поглядывали по сторонам.

– Ну... я пошел, – произнес Никита так, словно спрашивал разрешения.

Не поворачивая головы, водитель машины, который явно был за старшего в этой компании, презрительно процедил сквозь зубы:

– Да иди уже, козел.

Никита вышел из машины и вдоль забора пошел к перекрестку. Задержавшись на секунду у края забора, он нервно потер вспотевшей ладонью о ладонь, потом ударил в ладонь кулаком и шагнул на дорогу, отделявшую его от дачи Вахмистровых.

С букетом любимых Лизой белых гиацинтов Стэн в легком бежевом костюме быстро поднялся к лифту, перепрыгивая через две ступеньки небольшой лестницы первого этажа, усыпанной выпавшими из почтовых ящиков рекламными проспектами, словно осенними листьями. Пока лифт шумно спускался откуда-то сверху, Стэн успел узнать о том, что Кострян, Шпотя,

Стилус и еще несколько пацанов плюс Нелли равняется «love», и что сам он, Стэн, лох, поскольку прочел надпись черным фломастером на бирюзовой стенке: «Кто это прочел, тот лох». Успев заметить матерный эпитет, относящийся к Нелли и выцарапанный, судя по всему, ее ненавистником-анонимом, Стэн шагнул в раскрывшиеся с неохотой дверки темного после солнечной улицы передвижного «гробика», заносчиво именуемого в нашем отечестве кабиной лифта. Наощупь найдя какую-то кнопку и надавив на нее, Стэн задрожал вместе с гробиком и почувствовал, что его поволокло вверх. На седьмом этаже, хорошенько подумав после остановки, лифт решил-таки распахнуть со скрежетом двери, и уже привыкший к темноте Стэн нажал кнопку с сожженной, как и прочие, цифрой, которая, по его расчетам, должна была соответствовать десятому этажу. Спустя полминуты, в течение которых Стэн непрерывно сожалел, что не прошел оставшиеся три этажа пешком, дверки, в очередной раз помедлив, решительно разошлись в стороны. Выходя на площадку, Стэн мысленно возблагодарил «лифтового» за то, что гробик так нигде и не застрял.

Дверь в квартиру Лизы оказалась приоткрытой, и Стэн тихо толкнул ее плечом. Она легко подалась, и глазам Стэна предстала прихожая, залитая вечерующим солнцем, свет которого проникал через открытую дверь гостиной. В прихожей пахло духами, и было тихо. Вообще Стэну очень нравилась квартира Лизы за лаконичный, практически лишенный деталей интерьер. Минималистика – когда декором квартиры является практически полное отсутствие всякого декора – это было у Лизы в крови. Стэну нравилось бывать у нее дома, он чувствовал себя в аскетичных, маленьких, с мебелью из многослойной фанеры, но в то же время просторных комнатах легко и свободно. Однако для своей мастерской, где, собственно, Стэн и жил, он никогда не выбрал бы подобный стиль. Он просто не мыслил повседневной жизни без полок, полочек и стеллажей, заполненных книгами и безделушками, мелкой пластикой, посудой, гипсами, папками с рисунками, деревянными шкатулками, коробками с нужными и ненужными мелочами. По-настоящему комфортно он ощущал себя только в своем довольно неряшливом, пыльном, но хорошо им изученном мире.

«Мертвая тишина, – подумал Стэн. – Наверное, она в ванной, и когда она выйдет...».

Тут Стэн заметил в углу двери в гостиную что-то, что не должно было бы там быть или не должно было находиться в таком положении, и от недоброго предчувствия у него засосало под ложечкой. Стэн понимал, что ничего ужасного произойти не могло – просто не с чего. И при этом какой-то неведомый импульс подсознания сжал мозг: ты же был готов к ЭТОМУ.

То, «чего не может быть», оказалось носком тапочки, который виднелся из двери так, как он не мог бы виднеться, если только не был надет на ногу лежащего в гостиной человека. Продолжая движение, Стэн, словно со стороны видел себя, заглядывающего в гостиную все дальше и видящего уже не только тапочку, но и женскую ногу, на которой эта тапочка держалась.

В распахнутом на обнаженной груди халате Лиза с закрытыми глазами лежала на спине так, словно ей внезапно стало плохо, и она сползла на пол, придерживаясь за дверь. Поверх разбросанных по комнате листов бумаги валялся опрокинутый пластиковый стеллажик из-под DVD-дисков.

Положив на пол цветы, Стэн сглотнул вдруг пересохшим горлом и приблизился к Лизе. Он уже хотел протянуть руку к пульсу девушки, как вдруг увидел бьющуюся под нежной кожей голубенькую жилку.

«Жива! Скорее. Где нашатырь? Что произошло? Сердце? – мысли вихрем пронеслись в голове. – Нужно позвонить в «скорую».

Что-то не вязалось, не складывалось в голове, пока Стэн доставал из второго сверху ящика кухонного стола, где лежали лекарства и бинты, нашатырный спирт. И когда он уже протянул к носу сморщившейся от резкого запаха Лизы смоченную нашатырем ватку, Стэн понял, что не складывалось: «Почему разбросаны бумаги? На Лизу напали! Кто? Зачем?».

Долго теряться в догадках Стэну не дала Лиза. Она быстро пришла в себя, сморщилась теперь уже от боли, раскалывавшей голову на части, и прошептала:

- Он удрал?
- Кто?
- Ну... этот гад...

Стэн поднял Лизу на руки и положил на тахту. Распахнутый халат, такая знакомая в других обстоятельствах тахта вдруг вызвали у Стэна совсем не к месту теплую волну влечения, которая, не успев сформироваться, обернулась трогательной до слез нежностью к этой хрупкой девочке с голубой пульсирующей жилкой под такой беззащитной, такой ранимой кожей.

– Сейчас, потерпи, я принесу таблетку, – сказал Стэн, бережно укладывая на подушку голову Лизы.

Когда он вернулся из кухни со стаканом кипяченой воды в руке, где билась о стекло и пузырилась большая таблетка анальгетика, Лиза лежала на спине, запахнув халат и положив ладонь на лоб.

- Шишка будет! Дотронуться больно...
- Сейчас я позвоню в полицию и в «скорую», нужно показаться врачу...
- Морщась, Лиза приподнялась на локте, выпила лекарство и снова легла.

– Не нужно никакой полиции. И так понятно, кто это сделал. И я хочу отомстить этому гаду, а полиция только помешает.

- Лиз, ты собираешься заняться бандитизмом? Послушай, Лиз...
- А то, что у меня легкое сотрясение мозга, это я и без врача знаю...

Стэн решил пока не спорить.

– Ты лежи, я приберусь. Что нужно было от тебя «этому гаду»? У тебя здесь где-то были спрятаны сокровища Рашида Аль-Гаруна?

Как только Лиза смогла встать, она начала помогать Стэну собирать бумаги на стол. Когда удалось привести в порядок комнату, Лиза окинула ее взглядом и вдруг застонала.

– Компьютер украл, сволочь!

Она выдвинула ящик письменного стола, словно надеясь, что ноутбук окажется там, но в ящике были только бумаги.

– О, господи, – воскликнула она несколько минут спустя, – и фотоаппарата нет! Меня же убьет Астралопитек...

И только поставив на стол расколовшуюся стойку из-под дисков, Лиза осознала, что самих дисков тоже нет. Нет и флешек.

- Вот, гад, а!.. Ну, я не знаю, что с ним сделаю...
- Лиз, кто на тебя напал? Ты его узнала?
- Конечно узнала. То есть... я догадалась. Больше просто некому.
- Что же все-таки произошло?

– Он позвонил в дверь, и я решила, что это ты пришел. Открыла. А там, вообрази себе мой ужас, стоит мужик в маске...

- В какой маске?
- Урода какого-то с треснутым черепом. Я даже закричать не успела, как он ударил меня под дых. Я согнулась пополам. Хочу убежать, вздохнуть, и не могу ни того, ни этого сделать. Ноги сами понесли меня в комнату, я ухватилась за дверь, а он как-то сзади и сбоку от меня идет, и тут искры из глаз полетели... А потом... ты с нашатырем.

- Так ты его узнала?
- Да! Вадик это был, Вахмистров, верблюдики чертов...
- Ты видела его лицо?
- Да нет. Просто больше некому.

– То есть ты его не узнала, а только думаешь, что это он?

– Да он это, наверняка он. За последние пять лет, что я работаю в «Астрале», первый раз сталкиваюсь с тем, что кто-то не хочет, чтобы статья была напечатана. Все только и мечтают, чтобы про их бредни узнали такие же идиоты, как они, и лопнули от зависти. А Вахмистров уперся, как бык. Ты сам видел. Поэтому и пришел, чтобы похитить материалы.

– Но статья-то уже напечатана. Какой смысл ему махать кулаками после драки?

– Значит, он не знал, что напечатана.

– Ты же говорила, что Мила Львовна уже ее читала.

– Вообще-то да... Она позвонила и сказала, что просто счастлива была прочесть мою статью и увидеть себя на фотографии – чуть не во всю полосу, а Вадик, как она сказала, зубами скрипел...

– Стало быть, он знал, что статья напечатана...

– Все равно это он. Решил отомстить, и вот...

– Если бы он решил отомстить, то ударил бы по щеке, плюнул в лицо...

– Спасибо!

– Но зачем грабить? – не обращая внимания на иронию Лизы, продолжал Стэн. – Зачем так сложно и криминально все делать?

Лиза и Стэн на некоторое время замолчали. Стэн принялся осматривать снова стеллаж, стол, бумаги.

– Нет, – минут через десять уверенно заявил он. – Грабили тебя с умыслом, и похитили все материалы, касавшиеся какой-то статьи.

– Наверное, это были зеленые человечки, которых интересуют цветные металлы и спиртовые настойки. Стэн, я же не копаю под чиновников и депутатов, не выясняю, куда делось золото партии. Кому нужны мои статьи, кроме Милы Львовны и таких же дур, как она?

– А, может быть, позвонить Вахмистровым? Если они в городе, то есть повод к подозрениям, а если сидят на даче, то вряд ли это был Вадик. Да и по голосу можно попытаться определить его состояние. У тебя есть их телефон?

Лиза нашла в записной книжке домашний телефон Вахмистровых, и Стэн набрал номер. Длинные гудки в трубке прозвучали как-то гулко, словно раздавались в большом пустом зале. Впрочем, Стэн это скорее почувствовал, чем услышал.

После шестого звонка трубку сняла Мила Львовна, и Стэн передал трубку Лизе.

– Добрый день, Мила Львовна, – начала Лиза, не зная, о чем спросить. – Это Лиза Никольская беспокоит.

– Ой, Лизонька! Как я рада тебя слышать!

– А Вадим...

– Вадим Андреевич, – подсказала Мила Львовна.

– А Вадим Андреевич тоже в Москве?

– А что у вас к нему за дело? – после паузы, выдавшей некоторую настороженность, в свою очередь спросила Мила Львовна.

Стэн, стоявший рядом с Лизой и слышавший то, что говорила Мила, метнул испуганный взгляд на Лизу – он понятия не имел, что можно на это ответить.

– Это, собственно, не у меня, – не моргнув глазом, сообщила Лиза, – у моего друга есть к вашему мужу предложение, которое может Вадима Андреевича заинтересовать. Помните того недотепу, с которым я приезжала к вам прошлый раз?

– Увы, помню. Как вы можете терпеть такое сокровище рядом с собой? Вы такая чуткая, чувственная, а ваш друг, извините, валенок деревенский, и не достоин даже тапочки вам подавать.

– И не говорите, Мила Львовна, – Лиза с ядовитой улыбкой посмотрела в глаза опешившему Стэну. – Но любовь, как говорится, зла, полюбишь и... такое сокровище.

- Как я вам сочувствую!
- А когда вы собираетесь на дачу возвращаться?
- Часа через полтора-два.
- Давайте созвонимся, и мы вас подбросим прямо до дома.
- Мне неловко вас обременять...
- Пустяки. Как освободитесь, звоните. Это и в наших интересах, чтобы Стэн встретился с Вадимом... Андреевичем как можно раньше.
- Ну, если это в ваших интересах, то я с удовольствием...

Через два часа Стэн остановил джип на Таганке, в машину забралась не обремененная сумками и баулами радостная Мила Львовна с новой прической и первым делом рассыпалась в любезностях: на ее взгляд, Лиза и Стэн такая замечательная пара! Молодые люди просто созданы друг для друга, и это такая удача, что две половинки нашли друг друга в этом огромном мире, где большинство в последнее время только расходятся. Стэн не слушал банальностей, пораженный не столько смыслом сказанного, сколько энтузиазмом, с которым Мила Львовна все это говорила.

Нижегородская совершенно незаметно перешла в Рязанский проспект, а вот пробка на выезде из столицы задержала машину минут на тридцать. Оказалось, что не далее, как в километре от кольцевой девятка догнала фольксваген-пассат, и машины перегородили две полосы.

До самого домика Вахмистровых Мила Львовна живо обсуждала с Лизой, периодически шутившейся от головной боли, необыкновенно удавшийся выпуск «Астрала», и Стэн время от времени кивал в знак «согласия» и произносил «угу», если женщинам было недостаточно молчаливого его участия в разговоре. Только иногда Мила Львовна пыталась поинтересоваться тем, какое именно дело у Стэна к Вадиму, но Стэн отговаривался ничего не значащими фразами.

– Я хотела бы только предупредить, что Вадик очень болезненно относится к упоминаниям о его... отце. Это связано с годами сталинских репрессий... Они до сих пор очень мало общаются...

По дороге Стэн решил, что скажет Вадиму что-нибудь о возможности написать его портрет с разметавшимися волосами, от чего Вадим Андреевич, надеялся Стэн, категорически откажется. Поэтому с уверенностью ответил:

- Наш разговор никак не коснется его отца.
- Мое дело предупредить...

Припарковав машину рядом с домом, Стэн двинулся вслед за ушедшими вперед попутчицами, и, взбежав, по ступенькам крыльца, испытал странноватое чувство, сродни дежавю – ему показалось, что он когда-то давно уже взбегал так на это крыльцо, и тогда тоже было лето, и тоже вечерело.

В доме Мила Львовна уже окликала куда-то запропастившегося супруга, а Лиза молча с выражением смотрела в глаза Стэна, убежденная в том, что Вадима Вахмистрова в доме нет, как нет его и вообще в Раменском, а находится он в Москве, либо по пути из Москвы на дачу. Стэн уже не знал, что и подумать, как вдруг истошный крик Милы Львовны взорвал сумеречную тишину старого дома. Обеспокоенный Стэн и испуганная Лиза бросились на крик. В коридорчике, выходящем на задний двор, спиной к ним стояла Мила Львовна. Ее крик уже сорвался на сипение, спина ссутулилась, а руки были подняты ладонями вверх, словно она собиралась играть в волейбол, и заметно дрожали. Стэн первым подскочил к ней и увидел чуть впереди, в свете приоткрытой двери заднего крыльца лежащего на полу человека. Вадим Андреевич с неестественно вывернутой шеей смотрел застывшими глазами в никуда, дужка его разбитых очков торчала в сторону, кусочек стекла воткнулся в кожу под глазом, а спутанные

волосы седой шевелюры приклеились к полу вытекшей изо рта и давно уже застывшей черной кровью. Из основания его шеи торчала рукоятка кухонного ножа.

Заплаканные, красные глаза Мила Львовна то и дело вытирала душистым носовым платком, и с трудом понимала, о чем ее спрашивает следователь. По комнате ходили туда-сюда полицейские, на стульях у окон сидели понятые. К столу, за которым следователь заполнял протокол, подошел судмедэксперт и начал барабанить пальцами, чтобы привлечь внимание следователя. Тот наконец оторвался от бумаг и вопросительно вскинул голову.

– Где-то между полуднем и двумя часами дня. Точнее – после вскрытия.

Следователь кивнул и продолжил заполнять бумаги.

– Мила Львовна, были ли у Вадима Андреевича враги? – задал он стандартный вопрос, не отрываясь от протокола.

– Ну, какие враги... Он на кафедре зоологии беспозвоночных работает... Работал.

Губы у Милы Львовны задрожали, и она снова поднесла к глазам платок.

– Мила Львовна, – следователь наконец поднял взгляд на вдову. – Я понимаю, что вам тяжело. Но нужно взять себя в руки.

Вдова закрыла глаза, сделала над собой усилие и посмотрела на следователя.

– Да, хорошо. Я постараюсь. На кафедре беспозвоночных. Занимался глистами домашних животных. У него были договорные работы, и он получал немного больше других сотрудников. Говорил, что ему завидуют.

– Насколько больше? Кто завидует?

– Я не знаю. Лучше спросить на кафедре. Его научный руководитель наверняка в курсе.

– Хорошо, спросим. А какие у вас были отношения с мужем?

– У меня?!

– Да. У вас.

– Нормальные были отношения. Как у всех... А почему вы спрашиваете?

– Давайте договоримся, – настойчиво произнес следователь, – я спрашиваю, а вы только отвечаете.

– Хорошо. Но...

– Во сколько вы уехали вчера в Москву?

– Утром. Где-то в половине десятого. Соседи уезжали домой и подвезли меня.

– Что вы делали в Москве?

– Сначала пошла в свой магазин...

– В свой магазин?

– Да. У меня кулинария. Там пришлось разбираться с бухгалтерией и вызывала мастеров – в расстойке пара не было. Потом отправилась в Салон красоты – я была записана. Собственно, ради этого и ездила в столицу. Часа в четыре пополудни пошла домой и застала там тестя.

– Какие отношения были у вашего мужа с отцом?

– Вы думаете, что тесть мог...?

– Мила Львовна, не нужно за меня ничего додумывать. Просто отвечайте на вопрос.

– Но он же только что из больницы...

– Повторяю вопрос: какие отношения были у вашего мужа с отцом?

– Ну, нормальные. Вадим его, правда, чурался немного. Он же не родной ему сын. Приемный. У Вахмистровых была только дочь, сводная сестра Вадима.

– А зачем вы привезли на дачу этих двух молодых людей?

– Я привезла?! Это они меня привезли! Позвонили и сказали, что у них есть какое-то дело к Вадиму и предложили подвести. Спросите у них.

– Спросим. Вы давно с ними знакомы?

– Нет, мы почти не знакомы. Лиза – журналист, и она писала в своей газете статью про... наш дом, про... меня.

Сидя на кухне, за столом Стэн хорошо слышал все, о чем следователь спрашивал Милу Львовну, и что она отвечала. Он пытался читать протокол, но буквы скакали у него перед глазами, и ему по нескольку раз приходилось вникать в смысл одного и того же предложения.

– Подпишите вот здесь и здесь, – дознаватель пододвинул два листа.

– А второй – это что за лист?

– Это формальность. Ну, что вы в соответствии с 51 статьей Конституции были предупреждены о праве не свидетельствовать против себя.

– Но меня же никто не предупредил...

– Разве? А вам есть, что скрывать?

– Нет, но просто, как следователь, вы должны были бы...

– Я не следователь, я дознаватель. Впрочем, если для вас это дело принципа, мы можем все повторить.

– Да нет, бог с ним совсем. Поставить нужно полную фамилию или краткую подпись можно?

– Лучше полную. И прошу вас никуда из Москвы в ближайшее время не отлучаться. Нам, возможно, придется еще встретиться с вами.

– Мила Львовна, – прежде чем обернуться к заплаканной вдове, следователь долго смотрел в окно на запущенный, заросший сорняками и кустарником сад. – Мы сняли отпечатки пальцев по всему дому. У вас, как я понял, бывает очень немного гостей. В основном отпечатки ваши, Вадима Андреевича и вашего тестя. Но довольно часто попадают отпечатки взрослого мужчины. Кто он?

– Очевидно, это Никита. Племянник Вадима. Сын его сводной сестры, родной дочери Вахмистровых.

– Сколько ему лет?

– Тридцать пять.

– И он спит в вашей кровати?

Глаза у Милы Львовны забегали в поисках подходящего ответа.

– Вадим дал ему ключ, и Никита приезжает сюда иногда. Когда мы здесь, он спит на диване, а когда нас нет, стелет себе на кровати.

– Вас это не смущает?

– Нет, я только меняю белье.

– А когда вы здесь, но в отсутствие Вадима Андреевича он тут бывает?

– На что вы намекаете? – Мила Львовна густо покраснела.

– Я не намекаю. Я собираю информацию для анализа. И с этой целью задаю вопросы. А ваше дело на них отвечать. Если конечно вы хотите, чтобы мы нашли убийцу. Вы ведь хотите этого?

– Конечно хочу, – упавшим голосом произнесла вдова.

Через несколько минут после того, как Стэн и Лиза поставили свои подписи на протоколах, их отпустили. Мила Львовна вышла на веранду проводить.

– Я понимаю, что сейчас все, что ни скажешь... – Лиза не могла найти подходящих слов. – Я... Мы вам очень сочувствуем. Если будет нужна какая-то помощь...

В ответ Мила Львовна молча закивала головой, рассеянно глядя по сторонам.

– Ничего, Лизонька, я справлюсь...

Взгляд Милы Львовны остановился на столе с самоваром, за которым они в первый день знакомства пили чай. Кроме самовара там стояло несколько чашек, блюдца от разных сервизов, варенье в вазочке, печенье. И среди всего этого стояла пепельница с несколькими окурками, возле которой лежала зажигалка, подаренная Милой Никите.

– Странно, – Мила Львовна заговорила сама с собой вслух. – Но как это возможно?

Вдруг, спохватившись, она перевела взгляд на гостей.

– Вы меня простите, я пойду...

– Да, да, конечно, до свидания.

Проведенная на даче Вахмистровых ночь оказалась тяжелой. Сначала ждали полицию и «скорую помощь», потом были бесконечные вопросы от следователя прокуратуры. Лизе то и дело приходилось давать Миле Львовне сердечные капли, а Стэну звонить родственникам Вахмистровых. Поспать удалось всего пару часов, и теперь Стэн вел машину несколько неуверенно.

Сразу за поворотом внимание Лизы и Стэна привлек участок с невысоким штакетником. Им почему-то показалось, что они не видели его, когда проезжали здесь прошлый раз. А теперь не заметить его было невозможно. Возле веранды стоял стол, хорошо видимый с дороги, за столом играли в домино несколько человек, и голову одного из них прикрывала от солнца феска. А возле играющих, шипя, заливался бодрым голосом с грузинским акцентом коричневый, середины прошлого века патефон. В открытое окно машины долетели слова песни: «А на горных, на дорогах – на-нина-нина – стариков столетних много, дэли, во дела».

– Колоритно, – заметил Стэн и бегло огляделся по сторонам. – А мы, кажется, здесь раньше не проезжали.

Вдруг где-то включился репродуктор и с помехами, регулярно потрескивая, исполнил фальцетом: «...ка песню нам пропой, веселый ветер, веселый ветер, веселый ветер. Моря и горы ты обшарил... на свете и все... сенки слышал».

– Смотри, – прошептала Лиза.

Она, не отрываясь, глядела прямо перед собой. Стэн проследил за ее взглядом.

По тротуару им навстречу шел невысокий, полный мужчина в соломенной шляпе, майке, пижамных брюках в полоску и сандалиях, с газетой «Правда» в руке. Стэну показалось, что время замедлилось. Вместо очков у прохожего было пенсне, и одно его стекло бликовало так, словно было заклеено белой бумагой. Полные губы под сильно подбритыми по краям, папанинскими усиками загадочно улыбались. Не обращая внимания на машину, словно не видя ее совсем, мужчина, напевая себе под нос, не спеша прошел мимо.

– Что это было? – прошептал Стэн.

– Берия, Берия, – пробормотала Лиза. – Вышел из доверия...

– А?

– А товарищ Маленков надавал ему пинков.

Стэн посмотрел в зеркало заднего вида, но мужчина оказался, по-видимому, в «мертвой зоне» обзора. Тогда Стэн и Лиза одновременно обернулись, но прохожего увидеть им не удалось – он просто исчез, а там, где он должен был бы быть, о чем-то беседовали два молодых человека, поблескивая, словно соплями, капельками пирсинга вокруг носа.

– А вот здесь мы проезжали, – обрадовался Стэн.

– Ты обратил внимание на то, что сказала Мила про отца Вадима? Как ты думаешь, он работал в КГБ или в лагерях? Я имею в виду, он хватал и сажал или охранял, чтобы не сбежали?

– Лиз, что это ты вдруг о таком далеком прошлом?

– Музыкой навеяло.

– Почему ты вообще решила, что он был по ту сторону баррикад, а не репрессированным, например?

– Брось. С чего бы это сыну избегать разговоров об отце, если тот был репрессированным? Нет, наверняка его отец как-то связан с органами. Вот и дачу, небось, отхватил, как верный служака.

Кстати о верных служаках, ты заметил, какой противный следователь? – подавленное состояние Лизы уже успело смениться агрессивным настроением. – Смотрит так, как будто меня в чем-то подозревает...

– А что ему делать? Вахмистрова убили вчера днем, а на это время алиби у нас с тобой нет.

– Алиби на это время нет у половины россиян.

– Да, но половина россиян не приезжала с сомнительными предложениями к покойнику, что вызывает только недоверие.

– Если честно, то мне просто не хочется связываться ни с прокуратурой, ни с полицией. Толку от них никакого, а помешать могут.

– Помешать чему? Твоей мести? – невинно поинтересовался Стэн.

– Хоть бы и мести.

– Мести кому? Вахмистрова убили до того, как напали на тебя. Так что он здесь ни при чем. А вот тот факт, что нападение было совершено на тебя и на него, однозначно говорит о главном.

– О каком главном?

– О том, что дело действительно в бумагах Вахмистрова, которые ты вытащила из-под спуда лет своей статьей на свет божий. То есть, причину нападения на тебя нужно искать не в других твоих статьях, а именно в этой, связанной с домом Вахмистровых. Возможность совпадения двух этих случаев ничтожно мала.

– Стэн, я признаюсь, что думала на Вадима напрасно. Теперь это понятно. И значит, что все это – ужасное, трагическое, но всего-навсего сов-па-де-ни-е!

– Я думаю, то, что ты осталась жива, это просто ве-зе-ни-е. Убить этим людям не проблема, как видишь. И не известно, нашли они то, что искали у Вахмистрова и у тебя, или не нашли.

– Стоп! Стэн, ты меня не слышишь? Меня просто ограбили – украли ноутбук и фотоаппарат.

– Лиза, кто-то убил Вахмистрова, потом спокойно обыскал дом и, не найдя нужного, поехал к тебе... И все это среди бела дня. Залез в квартиру, забрал компьютер, фотоаппарат, все диски и фотографии. Почему? Потому что не знал, где именно находится интересовавшая его информация. А что будет, если он ее так и не найдет в украденном?

– Стэнчик, милый, все намного проще. Тот, кто меня ограбил, просто загонит фотик и ноут, деньги пропьет и через пару недель снова пойдет кого-то грабить. И так – пока не поймут.

– Пусть будет по-твоему, но рисковать нет смысла. Ты не против того, чтобы сегодня и завтра остаться у меня?

– Ах, вот, для чего вся эта конспирология! Целую теорию заговоров развил. Можно было и без такого предисловия – я не против.

С мокрыми после душа волосами Лиза, одетая в бежевую рубашку Стэна, разлила кофе по чашкам, поставила одну рядом со Стэном и уселась с ногами в автомобильное кресло, смонтированное на каркасе из крепких сучковатых ветвей. В студии было еще одно такое же кресло и диванчик, которые Стэн сконструировал из высохшего на корню дуба и сидений своего сгнившего фольксвагена-гольфа, купленного в приснопамятные девяностые за двести долларов.

Он сидел на отполированной сверху тополевой колоде перед монитором компьютера и читал статью Лизы с сайта «Астрала».

– Да-а-а-а-а, – изрек Стэн.

– Что?

– Ничего.

– Ничего чего?

– Ничего не понятно.

– А что ты хочешь понять?

– Хочу найти ключ. Что-то же заставило человека совершить два преступления, после того, как он прочел твою статью... Вот ты пишешь про фрагмент рукописного плана, на котором сохранился текст «Путь к Либер...». Дальше оборвано. Ты предлагаешь три варианта продолжения этого «Либер...». Это либо путь к свободе, либо путь к сокровищам западно-африканской Либерии, либо путь к Либерее – библиотеке Ивана Грозного. И что это нам дает?

– Ничего не дает. Я просто написала первое, что пришло в голову. Кстати, о голове... – Лиза увидела в ночном окне свое отражение. – Надо бы уже подстричься.

– Это понятно. Но за подобные откровения не врываются в дом и людей не убивают... Кстати, ты пишешь, что Либерия – это страна в Западной Африке. А есть и еще Либерия – город в Коста-Рике...

– А за подобные откровения убивают?

Стэн подошел к стеллажу из толстых досок и вытащил солидный том «Советского энциклопедического словаря» издания 1979 года. Он, как человек старой закваски все еще предпочитал интернет-поисковику бумажные справочники. Зашуршали перелистываемые аккуратными движениями тонкие страницы.

– Так... Либерия. Республика в Западной Африке. Бла-бла-бла... Из-за низких налогов под флагом Либерии плавают суда других стран...

Хорошо. Дальше. Либерман Макс – немецкий живописец... Либертины – законно освободившиеся рабы Древних Греции и Рима... Н-да, в общем «Чебоксары-чебуреки-чебурашки нет»...

– Ты знаешь, я вдруг подумала, что какой-нибудь Геркулес Пуаро из этой самой Либерии и Макса Либермана наверняка чего-нибудь надыбал бы. Загадочно так покумекал бы и сказал, что будет еще три убийства, а потом он соберет всех и расскажет, кто это сделал. А нам, увы, ни о чем эти свободные рабы не говорят.

– Остается еще Либерее – «загадочная библиотека Ивана Грозного», о которой ты написала.

– Ага, «Алтын-Малалан», или как там у Акунина?

– У Акунина «Алтын-Талабас», а «малалан» – это «аршин».

– Какой аршин?

– Кино такое было в моем детстве, азербайджанское, называлось «Аршин-малалан».

– А о чем кино?

– Про любовь азербайджанского коробейника к богатой девушке, вроде. Во всяком случае, не про библиотеку Ивана Грозного.

– Опять ты за свое! Да при чем здесь библиотека? – чуть не в истерике воскликнула Лиза. И тут же, взяв себя в руки, добавила: – Где библиотека Ивана Грозного, и где я. Пойми, все это – просто совпадение!

– Не верим мы в такие совпадения.

– Вы?

– Мы. С Холмсом, Эркюлем Пуаро и майором Прониным.

– Ха-ха! Вот если бы я...

Закончить фразу Лизе не дал звонок айфона. Она столкнула пальцем «обои» и, увидев, кто звонит, закатила к потолку глаза.

– Астралопитек, – прошептала она Стэну, будто главред мог ее услышать.

– Добрый вечер, Сергей Сергеевич! Я...

Лиза снова закатила глаза, выслушивая нарекания.

– Да, но я... Сергей Серге... Так я же... Я не перебиваю, я...

Несколько секунд Лиза молчала, переглядываясь со Стэном и потом, видимо, поймав паузу в речи абонента, быстро проговорила первое, что пришло в голову:

– Сергей Сергеевич, я напала на тему! Это бомба! Что за тема?..

А вот этого Лиза еще не успела придумать, и потому бегала глазами в ожидании чуда – откуда-то эта самая тема вот прямо сейчас должна прийти на ум. Подняв глаза на Стэна, она вдруг увидела, что он одними губами произносит: «Либерей»! И это слово решило их дальнейшую судьбу.

– Эээээ... Библиотека Ивана Грозного! – Лиза постаралась произнести это так, словно и в самом деле говорила о сенсации столетия, но тут же обмякла после слов главного редактора. – Да, я понимаю, только ленивый не писал, но... но... вокруг этого вдруг возник криминал в полный рост!

Несколько секунд она выслушивала шефа.

– Да! И даже убийство! Профессор Беленький? Спасибо... Да, сбросьте контакты. Завтра же свяжусь...

Когда Лиза отключила телефон, Стэн кивком головы поинтересовался: «Ну, что там?»

– Все! Теперь уже не важно, кто из нас прав, и верю я или не верю я в эти суеверия. Мне теперь придется вникать во всю эту либермуту и начать велено с консультации у профессора Беленького.

– А вдруг это на самом деле и тема, и бомба! Вдруг ты случайно написала о том, что какой-то заинтересованный человек искал уже много времени. Ваша газета и сайт свой имеет?

– И что?

– Этот неизвестный мог просматривать постоянно все, что появляется о Либерее в интернете, и натолкнуться на твою статью по ключевым словам.

– Стэн, вникать придется, но я прошу тебя...

– Да?

– Давай без фанатизма.

– Конечно.

– Ты и в прошлый раз говорил «конечно».

– Ты только представь себе, что этот неизвестный мог...

Лиза слезла с кресла, села на колени Стэну и принялась медленно расстегивать пуговицы своей рубашки сверху вниз.

– ...просматривать регулярно все... что появляется... в интернете о Либерее... и на-а-аткнулся на... твою статью.

Глава 3

Явственный стон разбудил Стэна посреди ночи. Он быстро открыл глаза, потянулся к Лизе, поцеловал ее в висок и отправился к барной стойке за стаканом воды и таблеткой от головной боли.

Когда он вернулся к своей фантастической кровати с балдахином, некогда найденной им в выселенном доме на Кропоткинской и отреставрированной своими руками, Лиза уже не спала и, прищурившись от боли, ждала его. Она полулежала, опершись на локоть, и молча плакала. Стэн положил ладонь ей под щеку, нежно приподнял ее голову, и Лиза выпила жидкость из стакана, который они держали с двух сторон каждый своей рукой. Несколько капель стекли по подбородку на ключицу, и, поставив опустевший стакан на пол, Стэн собрал их с нежной кожи губами.

– Мне приснился этот гад в маске, – прошептала Лиза. – Знаешь, когда я думала, что это Вахмистров, меня только зло брало, а теперь, когда вообще ничего не понятно, стало страшно...

– Разумеется. Неизвестность всегда пугает, – покивал головой улегшийся на свое место Стэн и, прижавшись к Лизе всем телом, добавил: – Но ты не бойся, я с тобой.

Лиза взяла обеими руками ладонь Стэна и поцеловала, уютно прижавшись к сильным мышцам его груди.

– Я совсем запуталась и чувствую себя во всем виноватой, – прошептала она.

– Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...

– А если и правда все это из-за статьи?! Чтобы у меня из зарплаты не вычли какую-то пару сотен долларов, я уперлась и напечатала этот материал. Самое ужасное, что он ведь все это время боялся, что его вот-вот убьют. И меня пытался предупредить! Что я наделала?! Это ужасно!

И она заплакала навзрыд.

Стэн попытался ее успокоить, поглаживая рукой Лизино плечо, целуя в волосы, но все было напрасно.

– Может быть, ты права, – спустя минуту произнес Стэн. Он старался говорить спокойно, рассудительно, как будто Лиза и не плакала вовсе. – А может быть, и нет.

– Почему нет? – сквозь рыдания попробовала ухватиться за соломинку Лиза.

– Ну, допустим, что в этих документах содержится информация, которая только Вадиму и казалась опасной. А то даже не опасной, а просто нежелательной для обнародования, из-за чего он так усердно и отговаривал тебя от публикации. И никакого отношения к его смерти она не имеет. А Мила Львовна, например, завела любовника, который уговорил ее избавиться от мужа без потери имущества... и они использовали подвернувшуюся ситуацию со статьей.

– Какого имущества? У них имущества-то не особенно... – произнесла Лиза, прерывисто всхлипывая и глотая слезы.

– Сегодня убивают за сотовый телефон. А у них квартира в Москве, дача на двадцати сотках в сосновом лесу, в ближнем Подмосковье.

– Ну, допустим...

– Они затевают всю эту возню с газетной публикацией, Мила Львовна обеспечивает себе алиби, а ее любовник убивает Вадима.

– Мне показалось, что она любила Вадима, то есть была к нему очень привязана. По-своему, конечно. И зачем им тогда было нужно нападать на меня?

– Ну... чтобы запутать следствие, пустить ментов по ложному следу – все дело, мол, в статье, в загадочных документах. А риска при нападении на тебя не было никакого: любовник ее мог проследить за тобой, знать, что ты дома одна, а дальше – принцип внезапности.

– Не знаю... Мне кажется, что дело в чем-то другом. Слишком уж много допущений: нужно, чтобы Вадим был психом, чтобы у Милы был любовник...

– Это можно попытаться проверить.

Лиза наморщила лоб, перевела молча взгляд на светлый квадрат окна, зашторенного тюлем ручной вязки, и снова обернулась к Стэну.

– А если дело все-таки в бумагах, и Вадим не псих, и Мила ему не изменяла?

– Тогда дело сложнее. Если бумаги были такими важными, то кроме Вадима о них мог знать кто-то еще. При этом и Вадим, и этот «мистер икс» не хотели, чтобы даже часть документов была обнародована. Когда же утечка произошла, мистер икс избавился от Вадима и изъясил всю информацию у тебя.

– Какой смысл ему это делать, если информация опубликована огромным тиражом?

– Огромным?

– С учетом того, что статья уже опубликована в интернете.

– Возможно, опубликованы второстепенные документы, и те, кто может их использовать против мистера икс или Вадима, еще не догадываются о важности того, что опубликовано.

– Очень как-то по-книжному у тебя все получается, дедукт, ты мой, – Лиза уже успокоилась, и только воспаленные, покрасневшие глаза, да пульсирующая на виске жилка свидетельствовали о недавнем всплеске отчаянья.

– Я хочу сказать, что убийцей может быть кто-то из окружения Вадима. И даже, скорее всего, так это и есть.

– Лучше бы это была Мила со своим любовником, – печально произнесла Лиза.

– Почему? – удивился Стэн, уставившись в расшитый звездами купол балдахина.

– Потому что тогда получалось бы, что моя статья, то есть я, не причина убийства, а только... Ну, в общем, меня просто использовали. И к тому же на меня больше никто тогда уже не стал бы нападать.

– Честно говоря, я в версию с любовником Милы не очень-то верю и придумал ее для примера, чтобы показать возможные варианты, – глубоко вздохнув, произнес Стэн, откидываясь на подушку. – Боюсь, мы так никогда и не узнаем, кто и почему убил Вахмистрова и напал на тебя.

– Почему?

– Потому что у нас нет никакой информации ни о Вадиме, ни о его окружении. Мы ничего не знаем даже о его отце.

– Ты же не думаешь, что отец мог убить своего сына?

– Не думаю. Хотя истории такие примеры известны. До последнего времени считалось, что Иван Грозный, например, убил. Сталин, по сути, санкционировал смерть Якова.

Произнеся эти имена, Стэн вдруг почувствовал, как засосало под ложечкой. Словно он по своей воле прыгнул в какой-то глубокий, темный колодец, ожидая упасть на мягкое, но, уже прыгнув, сообразил вдруг, что на дне могут быть камни или что-то похуже. Стэн не мог знать, что два эти сверхчеловека, два деспотичных владыки одной страны скоро ворвутся в его жизнь, словно живые люди, а, может быть, и в самом деле оживут на какие-то мгновения в каких-то загадочных реинкарнациях, чтобы спутывать карты в той игре за жизнь, в которую помимо своей воли Стэн и Лиза уже вступили.

Стэн вышел из душа в синем махровом халате, интенсивно растирая желтым махровым полотенцем волосы, и направился напрямик к своей тополевой колоде, где почти наткнулся на Лизу, сидевшую перед компьютером. У Лизы было ощущение, что она знакома с интернетом с детства, и сегодня ей было трудно представить, как она обходилась без него всего десяток лет назад. Давно прошла пора первоначальной влюбленности во всеведущую «паутину», миновала пора ненависти, вызванная неоправданными ожиданиями энциклопедиче-

ской информации от каждого сайта, и, наконец, отношения устоялись – она знала, чего можно ожидать от ящика, напичканного электроникой, а, главное, от тех умников, которые наполняют электронную память немислимым количеством ахинеи и не спешат побаловать пользователей по-настоящему информативными базами данных. Она давно научилась фильтровать муть и получать то, что без интернета просто неоткуда было бы взять или потребовало бы в сотни раз больше времени. Ну, а старый компьютер Стэна с медленным интернетом ее не столько раздражал, сколько бесил.

Набрав в строке ключевых слов «Либерея», Лиза щелкнула кнопкой ввода, и «старикан» заработал во всю силу своего напряжения, потакая человеческой прихоти и, может быть, даже жертвуя более важными делами ради праздного интереса существа женского пола с несовершенными из-за очень ограниченной оперативной памяти мозгами.

Как обычно, программа выдала виртуальную страничку с полутора десятками источников. Яндекс с гордостью сообщил, что им найдено сайтов 999, документов 10680, новых 15. На первой странице оказались «Либерея/Древнерусская литература» с малопонятными сокращениями и адресом: www.drevnosty.ru. Далее шло «Либерея: Underground Library». Следующими либерейми оказались книжное издательство под таким названием и часть наименования книги Бориса Горая «Либерея раритетов». Статья Лизы удостоилась чести попасть в первую двадцатку: «Астрал» шел под номером 19, и в ссылке на источник помимо названия статьи указывался уже известный читателю вырванный из контекста кусок без начала и конца с бесцеремонным низведением имени русского царя до «Ивана Гр...». С номера 20 начиналось то, что искали Стэн и Лиза, а именно статьи в газетах, главы в книгах и целые книги, посвященные загадочной Либерее – библиотеке Ивана Грозного. Первый документ, который открыла Лиза, назывался «Тайны истории. Тайна Либереи». А потом она открывала и запоминала на жестком диске компьютера в текстовом формате все, что касалось этой библиотеки.

Когда файлы начали повторяться в разных изданиях и явно не относящиеся к теме ссылки переполнили виртуальные страницы, Лиза вышла из «всемирной паутины» и приступила к чтению сохраненных документов.

Стэн сначала смотрел из-за ее плеча на экран монитора, а потом достал большие желтоватые тома академического собрания летописей и углубился в их изучение.

– И что мы имеем? – поинтересовался он по прошествии часа, когда заметил, что Лиза попыталась откинуться на спинку, которой у пня не было, чуть было не потеряла равновесие, обернулась, чтобы убедиться в отсутствии спинки и, убедившись, сурово зыркнула на ухмыляющегося Стэна.

– Ерунду какую-то, – недовольно ответила Лиза. – Во-первых, история очень запутанная, во-вторых, масса действующих лиц, а в-третьих, некоторые сомневаются в том, была ли такая библиотека на самом деле... Вообще каша какая-то. Ничего из нее не поймешь. То есть ничего для нас важного нет... Какой-то дьяк Конон Осипов что-то слышал про то, что кто-то видел в подпольях Кремля во времена царевны Софьи, а потом уже в наше время какой-то Алексей Осипов пишет об этом в какой-то книге. Я запуталась и не знаю, за что хвататься.

– Так, для начала нужно все расставить по местам.

– А если это все не понадобится?

– Как же можно сейчас определить, что понадобится, а что нет...

Тем более, что тебе все равно придется разбираться в этой «каше», чтобы написать статью. Давай все выпишем по порядку.

– Ого! – Лиза обернулась к Стэну. – По порядку? Это я слышу от тебя?

– А что такого?

– Ты оглянись вокруг. Ты когда-нибудь вообще видел свою берлогу со стороны, порядочник?

– Хочешь сказать, что у меня в студии беспорядок? – Стэн обвел взглядом груды книг, красок, коробочек, рам и рамок для картин так, словно впервые все это увидел. – На мой взгляд, все на своих местах, а это и есть порядок.

– Наглец! – констатировала Лиза. – Порядок – это то, что у меня в квартире.

– У тебя в квартире, – закончил дискуссию Стэн, – А у меня в голове. Значит, Палеологи...

– Что Палеологи? – нахмурилась Лиза. – Они-то уж точно не имеют отношения к нападению на меня.

– Как знать... Давай-ка начнем с них. Я тут кое-что вычитал в летописях...

– Стэн! За мной, по твоим словам, убийца с ножом бегаёт, а ты с летописей хочешь начать. Почему тогда не с каменного века?

– Лиза, успокойся... У нас нет тех возможностей, которые есть у следствия. Что мы можем сделать? Я думаю, что самое разумное вникнуть в тему, найти тех, кто интересуется библиотекой Грозного серьезно, а через них – тех, кто очень серьезно.

– Ну, не знаю... По-моему, надо что-то делать, а не сидеть над летописями! – в горячности воскликнула Лиза.

– Предлагай. Что делать?

– Я не знаю.

– Тогда думай, что делать, а я займусь тем, что считаю разумным.

Лиза капризно отодвинула от себя клавиатуру, встала с пенька и пошла к барной стойке готовить кофе. Стэн плюхнул на стол перед монитором пару раскрытых томов летописей, сменил Лизу на пеньке и защелкал плоскими пирамидками клавиш.

«Палеологи (с ударением на последний слог), – вскоре уже читал про себя Стэн. – Династия византийских императоров в 1261—1453 гг., основанная Михаилом VIII (стал императором Никеей с 1259 г. сначала в качестве соправителя малолетнего императора Иоанна IV Ласкариса, которого впоследствии ослепил)».

– Вот сволочь! – в сердцах произнес Стэн вслух.

– Кто? – поинтересовалась Лиза.

– Да основатель династии, Михаил Восьмой Палеолог, – охотно отозвался Стэн. – Ослепил мальчика-царя, чтобы занять его место.

– Да уж, – Лиза с двумя чашками, над которыми вился ароматный парок, подошла к Стэну. – Чем больше узнаешь о жизни царей, тем менее привлекательной она представляется.

Лиза поставила чашку с крепким и очень сладким, как он любил, кофе на стол перед Стэном. На чашке были изображены с одной стороны рыболовы, сталкивающие в воду челн, а с другой – лисица, поймавшая за шею селезня кряквы. Эту кружку с намеком на увлеченность Стэна охотой и рыбалкой когда-то подарил ему Володя Симачев, калужский приятель. Отхлебывая маленькими глотками горячий кофе вовсе без сахара, Лиза прижалась боком к Стэну и стала читать с монитора вслух.

«Константин XI Палеолог (1403 – 1453 гг.) с 1438 г. был деспотом Морей, наследовал Византийскую империю с 1449 г., погиб при обороне Константинополя от турок.

Фома Палеолог вместе с братом Дмитрием наследовал титул деспота Морей от брата, Константина XI.

Зоя Палеолог, дочь Фомы. После падения Константинополя переехала с отцом и матерью, Екатериной Заккарией, на остров Корфу. Около 1465 г. переехала оттуда в Рим. Осиротев, воспитывалась при папском дворе. В 1472 г. переехала в Россию и стала женой Иоанна III».

– О ее появлении в России есть записи в «Списке Мациевича» и в «Архангелогородском летописце», – перелистывая страницы летописей, пробубнил Стэн. – Так, где у нас 1472 год? Ага, вот: «В лето 6980. Прииде князь великий на Москву сентября в 1 день и много посадников полохом приведе. Того же лета в Пермь Великую поставлен бысть епископ Филофеи. Тое же

зимы бысть на небеси два месяца». Прикинь, Лиз? Два месяца тое же зимы... «Тое же зимы князь Иван Васильевич другою княгинею женился, понял царевну Софью римлянину...».

– А что там про библиотеку сказано?

– В летописях? Ни-че-го. Но вот Карамзин считает, что библиотека была и привезла ее, по-видимому, бабушка Ивана Грозного, Софья Палеолог.

К вечеру следующего дня Стэн и Лиза гуляли в Ботаническом саду. Это чудное место, в котором сразу забывалась московская суета, всегда привлекало Стэна возможностью неспешной прогулки по тропинкам тщательно ухоженного парка, здесь ему легко думалось, здесь приходили на ум незамысловатые сюжеты его картин и, наконец, сад находился на одной ветке с ближайшей к его дому станцией метро.

За два дня чтения статей из самых разных, иногда совсем неожиданных источников (вроде «Курской правды») и глав из книг, Стэн и Лиза уже знали, что в качестве приданого Софья привезла в Россию обоз с подарками, и среди них был, например, греческий образ Всемиловейшего Спасителя, который в XVII веке по приказу Михаила Федоровича был поставлен в Верхоспасском соборе Кремля.

Относительно размеров обоза мнения авторов расходились. Некоторые утверждали, что было несколько подвод, а некоторые указывали довольно точную цифру – более восьмидесяти.

По поводу книг кто-то настаивал на том, что не было никаких книг вообще, кто-то утверждал, что было их числом до восьмисот. И никто не давал ссылок на первоисточник.

– И непонятно, с чего они все так упорно называют эту библиотеку Либереей, – вдыхая всей грудью разлитой по аллее запах сирени, произнес Стэн.

– Чувствую, что еще совсем чуть-чуть, и мы найдем убийцу, – съехидничала Лиза.

– Не исключено, – не отреагировал на сарказм Стэн, демонстрируя всем своим видом, что начатые поиски прекращать не собирается.

– Как-то не очень верится в то, что последние из Палеологов, второпях убегая от турок на остров Корфу, – Лиза уже увлеклась темой, хотя первоначальное неприятие идеи Стэна заставило ее во всем сомневаться, – захватили с собой кучу книг. А потом им пришлось плыть до Италии и опять же с книгами. Народ в таких случаях предпочитает брать только самое ценное – золото-бриллианты.

– На самом деле, если не врут статьи, книги в те времена ценились не дешевле золота. Тем более, что в Либерее, возможно, были рукописи из сожженной Александрийской библиотеки. Хотя интересно было бы узнать поподробнее о последних деспотах Морей. И вообще: что это за Морея такая?

После ужина в кафе, где Лиза заказала салат из руколы и ризотто с креветками, а Стэн – картошку-пюре со свиной отбивной, они вернулись в мастерскую, и Стэн снова принялся терзать свой оставший от времени комп.

К своему большому удивлению и не меньшему удивлению Лизы нашел он немало.

Прежде всего, оказалось, что после захвата Константинополя турками во главе с Мехмедом II, Фома и его брат Дмитрий не только оставались еще целых семь лет править Пелопоннесом (а именно Пелопоннес, отделенный Эгейским морем от нынешней Турции, а тогдашней столичной части Византии, и являлся провинцией Морей), но и не забывали при этом постоянно ссориться между собой. Они даже обратились за помощью к султану, когда проживавшие на Пелопоннесе албанцы и греки, поддерживаемые Венецианской республикой, подняли восстание. Мало того, султанский военачальник после подавления мятежа попытался помирить братьев. Но Дмитрий был сторонником безоговорочного подчинения султану, а Фома рассчитывал на восстановление империи с помощью римского папы. Только в 1460 году султану надоели распри братьев, и он пришел в Морею с большим войском. Дмитрий сдался на милость

победителя, а Фома с семьей бежал под защиту... Венецианской республики на остров Корфу в Ионическом море. При этом у него было достаточно времени, чтобы бежать, как следует экипировавшись. Позже Фома отправился в Рим, где его благожелательно принял папа Пий II. Оставленная им на Корфу жена умерла в августе 1462 года, и он вызвал детей в Рим. Хотя тоже не сразу – спустя еще три года, в 1465 году, и 12 мая того же года, через несколько дней после их прибытия... скончался.

– Все эти семейные перипетии монарших византийцев, конечно, заняты, – вслух начала рассуждать Лиза. – Но очень уж трудно углядеть между строк что— то касающееся книг. Нет никаких зацепок, доказывающих наличие библиотеки у Фомы.

– Но нет и фактов, опровергающих это, – подхватил Стэн. – В архиве Ватикана сохранилась бумага, свидетельствующая о том, что папа выделил на разгрузку кораблей, на которых Фома прибыл в Италию, семьсот золотых дукатов. Это большие деньги по тем временам. Значит, и груз был серьезным. И все это досталось после смерти Фомы его дочери.

– А ты уверен, что у него была только одна дочь? – задала каверзный вопрос Лиза.

– А давай узнаем наверняка, – с этими словами Стэн снова заставил Яндекс потрудиться.

Выяснилось, что у Фомы было аж четверо детей, но в Рим попали трое – братья Андрей и Мануил, и Зоя, родившаяся, очевидно, в 1456 году. Когда они стали круглыми сиротами, папа римский взял их на воспитание.

– Что бы это значило? – Стэн с довольной ухмылкой сравнивал два документа. – Словарь Брокгауза и Ефрона называет Павла II в качестве опекуна Зои и интригана, устроившего ее брак с русским царем, а Рансимен в «Падении Константинополя...» говорит то же о папе Сиксте IV.

– Для нас это важно? – быстро спросила Лиза.

– Думаю, что абсолютно без разницы. Поехали дальше?

Младший Мануил жил в Италии, но в 1477 году неожиданно уехал в Константинополь, где сдался на милость султана. Так что наследства Фомы он получить не мог.

– Осталось двое претендентов, – констатировал Стэн.

Старший Андрей никуда из Италии не убежал, воспитывался при дворе папы, в 1480 году женился на простой римлянке и всю жизнь занимал деньги под залог земель уже несуществующей Византийской империи да продавал такие же несуществующие титулы. Досталось ли ему что— то из наследства Фомы (если оно вообще было), не известно.

Наконец, Зоя в июне 1466 года десятилетней была выдана замуж за римского аристократа из дома Карачоло, но скоро овдовела.

– Десятилетнюю девочку замуж отдали! – возмутилась Лиза. – Небось, еще и за старого, плешивого козла... Хорош воспитатель, этот гадский папа.

В 1472 году, когда Зое было около шестнадцати, папа организовал ее свадьбу с Иваном III, благодаря чему Русь с полным правом взяла византийский герб – двуглавого орла – и стала величать себя Третьим Римом. В качестве приданого папа отправил в Московию подводы с подарками.

– Вероятность того, что большая часть наследства Фомы досталась именно Зое, – раздумчиво произнес Стэн, – велика. И овдовев после первого брака, она могла получить наследство еще большее – от Карачоло, который наверняка имел библиотеку, как все богатые римские аристократы.

– Любопытно, – прищурилась Лиза. – А какие, считается, книги были в Либерее – только греческие или латинские тоже?

– Ищем дальше?

– Ладно. Ищем дальше, если ты обещаешь, что нас это приведет к убийце.

– Нас это приведет к тем, кто серьезно занимается поисками Либереи, а убийца наверняка среди них.

– А если все— таки не в ней дело?

– Тогда ответь, что еще может связывать тебя и Вадима.

Лиза задумалась, закусив губу.

– Ты прав... Больше ничего.

– А Либерея, судя по всему, это такой куш, что за него могут легко убить, – убежденно произнес Стэн и, нарочно не меняя тона, добавил: – Ну, а если убийцу не найдем, так хоть скучать не будем.

– Дурак. То есть я хотела спросить, а почему мы ищем информацию по Либерее вместо того, чтобы искать, кто занимается этой Либереей?

– Я отмечаю. Вот смотри – то, что уже удалось выписать.

Стэн показал Лизе листок с двумя десятками фамилий, среди которых больше половины имели какое— то отношение к Либерее до революции или сразу после нее, и к настоящему времени числятся среди усопших. Здесь были ничего не говорящие Лизе имена Иоганна Веттермана – пастора из Дерпта, Эдуарда Треммера – ученого из Страсбурга, Василия Макарова – дьяка царевны Софьи, Игната Стеллецкого – археолога и других. Среди оставшейся половины были имена известных ученых, публиковавших книги или статьи по библиотеке московских царей в специализированных изданиях. А также всякая всячина – диггеры, выдумывающие о своих путешествиях по подземной Москве небылицы; диггеры, добросовестно отчитывающиеся о своих путешествиях по подземной Москве; фантазеры, мечтающие найти какой—нибудь клад, чтобы обогатиться или хоть прославиться; любители порассуждать обо всем на свете, в том числе и о невозможности существования Либереи, все домыслы которых построены на самой поверхностной информации о предмете; а также журналисты, которые, с воодушевлением ссылаясь на тех, на этих и других, с детской непосредственностью делают из мухи слона, а из этого слона с легкостью добывают слоновую кость.

Пора была ехать к профессору Беленькому.

Жил Беленький в Кривоколенном переулке. Когда машина Стэна сворачивала на Сре́тенский бульвар, Лиза, с неудовольствием рассматривавшая свои редкие веснушки в зеркале откинутого на лобовое стекло противосолнечного щитка, вдруг заметила что-то краем глаза. Их машина остановилась на светофоре, рядом дожидались зеленого света другие. Лиза медленно повернула голову и встретилась взглядом с пристально всматривавшимся в нее из стоявшего рядом автомобиля незнакомцем.

Она машинально повернулась к Стэну и увидела, что с противоположной стороны тоже стоит машина, и с пассажирского сиденья в их сторону поглядывает мужчина в черных, совершенно непросвечиваемых очках, будто позаимствованных из голливудского болкбастера. У нее засосало под ложечкой.

Желтый едва успел мигнуть, как сразу загорелся зеленый, машины тронулись, и довольно скоро внедорожник Стэна вырвался вперед. А когда свернули на Мясницкую, их никто не стал преследовать.

«Господи! У меня начинается паранойя», – подумала Лиза и решила ничего не говорить Стэну.

Джип мягко ткнулся передним колесом в бордюр тротуара на Мясницкой, недалеко от Главпочтамта. В Кривоколенный они отправились пешком.

Вечер был на удивление хорош, солнце только краешком глаза заглядывало на улицу с Чистых прудов, наполняя Мясницкую городским асфальтовым теплом и делая тени долгими, нелепо ломающимися на бордюрах и в местах пожизненного соединения зданий с тротуаром.

Лиза совсем успокоилась, осознав наконец, что никто не мог их преследовать, поскольку ИМ просто неоткуда было знать, что она живет теперь у Стэна.

Тем временем, незаметно оглядываясь по сторонам и замечая множество деталей, которые в другое время и не обратили бы на себя внимание, Стэн шел походкой довольного собой счастливого. Полная самых неожиданных поворотов судьбы жизнь не раз учила его осторожности, и он давно усвоил, что самоуверенный, с проблесками барства вид человека притупляет бдительность тех, кто пытается за ним скрытно следить. И это позволяет «объекту» вычислить «топтуна». У Стэна не было оснований считать, что за ними кто— то следит, однако лучше было перестраховаться, чем повести себя и в самом деле самоуверенно.

Разум подсказывал, что при всем желании убийца не мог знать ничего о Стэне, о том, где теперь живет Лиза, и о том, что они договорились о встрече с одним из исследователей Либереи. Но кроме разума имелись еще и ощущения, не раз выручавшие Стэна из беды, и сейчас они, эти ощущения, были весьма неприятными.

Одна из долгих теней, мелькавших макушкой возле ног Стэна и Лизы, уже несколько раз совершила те же самые «па», которые Стэн предпринял ради проверки. Если он зачем—нибудь останавливал Лизу, останавливалась и тень, если Стэн с Лизой переходили улицу перед машиной, нарочно не оборачиваясь назад, быстро пересекала проезжую часть и «макушка».

В отличие от партнера, Лиза впервые за несколько дней вдруг почувствовала себя совершенно спокойной и стала даже немного рассеянной.

— А почему бы нам просто не связаться с отцом Вадима и не спросить, что за документы лежали в сундуке на дачном чердачке? — спросила она беззаботно.

— Я уже пытался связаться с Милой на этот счет, — скусился Стэн. — Отец Вадима еще в больнице. К нему не пускают, даже о смерти Вадима пока ничего не говорят. Да он может и не знать ничего об этих документах.

— А как ты себе его представляешь? — после непродолжительного молчания с нотками интриги в голосе поинтересовалась Лиза. — Мне кажется, что он этакий аристократ в стеганом велюровом халате, на шее повязан атласный платок. Такой... вольготно себя чувствующий среди старинных книг и картин.

— Старик Вахмистров?

— Да, нет! Я про Беленького.

— А— а... Судя по тому, какую зарплату сегодня получают ученые, особенно гуманитарии, — рассудил Стэн, не переставая следить за тенью и ловя в отраженьях витрин мужчину средних лет с характерными залысинами, от которого эта тень исходила, — я полагаю, что он просто чудак с всклокоченными волосами, в очках с треснутым стеклом, стоптанных тапках и спортивном трико с отвисшими коленками.

— Ага. И вместо антикварной мебели у него трехногие табуретки шестидесятых годов и купленный по случаю списания из института письменный стол из прессованной стружки, — продолжила развивать тему Лиза. — Стэн, в тебе романтики не больше, чем в записи на очередь к стоматологу!

— Скоро все увидим, — успокоил подругу Стэн, потянув на себя массивную ручку старинной двери в мрачный подъезд. — Прошу!

Прикрывая дверь с многолетним слоем пыли на стекле, Стэн позволил себе глянуть вскользь на прошедшего мимо мужчину, который, казалось, не обратил никакого внимания на то, что кто— то зашел в подъезд. Однако и краткого мига оказалось достаточно, чтобы заметить, как мужчина косил глаза в стекло закрывшейся двери.

— И все— таки за нами следят, — Стэн приложил палец к губам, заметив расширившиеся от испуга глаза Лизы. — Не понимаю, как они могли узнать о том, где ты прячешься.

— Они?! — изумилась Лиза.

— Они или он... — неопределенно ответил Стэн. — Хотя одному такое не провернуть. Нужно было как— то увидеть нас на даче Вахмистровых, проследить за нами до моей мастер-

ской, день и ночь дежурить, а, может быть, и прослушивать разговоры в студии... В общем, одному не справиться. То, что за нами следили последние несколько минут, это факт. И он означает, что против Вахмистрова, тебя и теперь меня работает... – Стэн проглотил комок в горле, – целая организация.

- Бред какой— то, – прошептала срывающимся голосом Лиза.
- Согласен. Бред. Давай придумаем какое— то другое объяснение.
- Может быть, ты просто ошибся?
- Уверен, что нет. Не ошибся. За нами следили.
- Что будем делать?
- Ничего. Пойдем к профессору.

Стэн с Лизой поднялись на третий этаж пешком, поскольку вызванный лифт не внушил доверия. Он казался едва ли не старше этого старого дома и больше напоминал клетку из зоопарка, которая наверняка должна клацать и скрежетать. А Лизе и Стэну больше всего сейчас хотелось быть тихими и незаметными.

Пока они поднимались, хлопнула входная дверь, и через некоторое время кто— то загремел внизу решетчатой дверью лифта. Голоса и разнообразные звуки изредка проникали на лестничную клетку из квартир сквозь металлические двери. В подъезде пахло нитрокраской, которой, видимо, что— то красили в квартире на первом этаже.

Стэн позвонил в дверной звонок, потом еще раз, и дверь открылась. На пороге стоял пожилой негр. У Лизы от неожиданности стали расширяться глаза.

- А... мы к профессору... Беленькому. Он здесь живет? – с трудом выговорила Лиза.
- Здравствуйте! – улыбнулся негр. – Беленький – это я. А вы, наверное, решили, что я его грум.

– Ннннет, разумеется! – начала оправдываться Лиза. – Просто несколько неожиданно...

Мы по поводу интервью.

- Я понимаю... Вы, очевидно, из «Астрала»?
- Да, да!
- Проходите, проходите. Сергей Сергеевич звонил...

В гостиной профессор посадил их на диван и попросил подождать, пока приготовит чай.

– Сегодня никого чаем не удивишь, – произнес он, удаляясь в кухню. – А были времена, когда я из Китая привез чай с жасмином и ходил с ним по гостям, как гастролирующий артист. И всегда был аншлаг!

Оставшись наедине, молодые люди переглянулись, Лиза молча положила свою ладонь в ладонь Стэна и улыбнулась. Потом они принялись смотреть по сторонам, в основном на картины и гравюры на темных стенах.

– Вижу, вас заинтересовало мое собрание, – произнес Аркадий Вениаминович, внося поднос с чайным сервизом в комнату. – Да, было время, когда я мог позволить себе покупать картины... Впрочем, мы, как я понимаю, собрались не для обсуждения изобразительного искусства.

Лиза привычно взяла инициативу на себя, положила на стол только что купленный цифровой диктофон, включила его и попросила профессора рассказать о том, что дает основания считать, что библиотека русских царей, так называемая Либерея, вообще существовала. Стэн тем временем снял крышку с объектива висевшего у него на груди зеркального «Никона», отошел немного от стола и навел объектив на ведущих беседу за чашкой чая Лизу и Аркадия Вениаминовича. Заметив это, профессор прервался на полуслове, обернулся к Стэну и попросил позже показать ему все снимки.

– Я, видите ли, ужасно нефотогеничен, и мне не хотелось бы, чтобы на фотографиях, опубликованных в вашем издании рядом с такой очаровательной журналисткой, оказался квазимодо.

Стэн согласно закивал головой, а Лиза продолжила прерванную беседу, напомнив свой последний вопрос о документах, подтверждающих привоз в Россию Зоей Палеолог именно книг, а не вообще некоего добра на куче подвод.

– Как ни странно, нет документов, прямо подтверждающих то, что книги действительно были привезены в Россию... Ну, описей, там или упоминаний в письмах, – лицо профессора выразило такое сожаление, словно речь шла о потере его личного имущества. – Зато известно, буквально по дням, время передвижения каравана Зои из Рима в Болонью, Нюрнберг, Любек, Псков, а затем и в Москву. Известно, что двенадцатого ноября одна тысяча четыреста семьдесят второго года Зоя прибыла в Москву вместе с сопровождавшими ее послами и в тот же день обвенчалась с Иваном по русскому обычаю. Все произошло очень— очень быстро потому, что этой свадьбе предшествовала заочная свадебная церемония.

– Это как? – изумилась Лиза.

– Да, она состоялась еще в Ватикане, где жениха представляло доверенное лицо Ивана III, тоже, кстати, Иван по фамилии Фрязин. Хотя на самом деле это имя он получил при крещении в православную веру, а вообще— то Иван Фрязин был по происхождению итальянцем, и звали его Жан— Баттиста дела Вольпе. Кстати, скрыв свой переход в православие, именно Иван Фрязин убедил кардинала Виссариона и папу в том, что Иван III готов принять католичество, благодаря чему папа и согласился на его брак с Зоей. Впрочем, я отвлекся...

Зою сопровождал папский легат Антоний и в Москве он стал убеждать митрополита Филиппа принять установления Флорентийского собора, но ничего у него не получилось. Филипп позвал какого— то искусного в прениях книжника Никиту, и тот в два счета доказал Антонию, что греческое исповедание правильнее римского. Антоний, рассчитывавший, по— видимому, на легкую победу, неожиданно для себя столкнулся с категорическим неприятием католицизма москвитами и прекратил бессмысленный спор такими словами: «Нет книг со мною».

Стэн и Лиза понемногу прихлебывали крепкий цейлонский чай. В свою чашку Стэн положил четыре куска сахара, чем вызвал немое удивление Аркадия Вениаминовича. Вообще Стэну хотелось взять датскую печенюшку из круглой жестянки со старинным рождественским рисунком по периметру, но он боялся, что посыпятся крошки, да и вообще никто печенья не брал, а он и так уже сахару переложил...

– Эту фразу, – продолжал тем временем профессор, – сторонники несуществования библиотеки поднимают на щит. Хотя напрасно, поскольку у Карамзина дальше сказано буквально следующее: «многие греки, приехавшие к нам с царевною... обогатили спасенными от турецкого варварства книгами Московские церковные библиотеки...».

Так что я думаю, что Антонию просто испугался Никиты, и якобы отсутствие книг было на самом деле предлогом, чтобы прекратить неприятный для него диспут. Либо он просто имел в виду какие— то свои книги, которых не взял с собой в поездку, а о книгах и вообще о том, что везла Зоя в повозках, он мог попросту и не знать. Короче, известно об этой истории многое, за исключением одного – привезла с собой книги Софья или нет.

– Я обратила внимание, что царицу называют то Зоей, то Софьей. Но это же разные имена, или я ошибаюсь?

– Вообще— то на родине ее звали Зоя, но после свадьбы ее стали звать Софьей. Любопытная, кстати, личность – Софья. Родилась она, как известно, в Византии и маленькой девочкой, лет до восьми— девяти, воспитывалась в традициях православия, потом несколько лет в лоне католической церкви и, наконец, снова попала в православную страну. Я думаю, что такие перемены сказались на ее вероисповедании, и она стала человеком веротерпимым. Во всяком случае, ее дочь Елена, выданная за польского короля Александра Ягеллона, спокойно приняла католичество, а сын, будущий царь, Василий III, разумеется, исповедовал православие, и ко всем она относилась с материнской любовью.

– Понятно. А что известно про приданое? – добивалась своего Лиза.

– Известно, что в качестве приданого папа вручил Зое шесть тысяч дукатов золотом и есть большая вероятность того, что деньги эти были собраны на новый крестовый поход, который должен был освободить Константинополь от неверных. Как сейчас говорят, деньги папа израсходовал не по назначению. Впрочем, и папа, и вся Европа прекрасно понимали, что никакого крестового похода не будет, и все заявления папы в этом плане носили чисто декларативный характер – султана просто боялись, и не было «настоящих буйных», которые могли бы в то время объединить все силы Европы против него. Константинополь, как известно, стал Стамбулом и остается им до сих пор.

Стэн сделал очередной снимок.

Аркадий Вениаминович так и не притронулся к своей остывшей уже чашке чая, поскольку был все время занят ответами на вопросы Лизы, зато не забывал подливать ей свеженького, как только чашка оказывалась выпитой наполовину.

– А почему вообще возникает мысль о том, что Зоя— Софья везла в подводах книги? – кардинально поставила вопрос Лиза.

– Видите ли, голубушка, – задумался на секунду Беленький, – тогда это было принято. Я имею в виду, посылать в приданое книги. Совершенно точно известно, что Анна Ярославна, выданная замуж в 1044 году за короля Франции Генриха I Капета, имела в приданном книги. И царевны иноземья, выходящие замуж за русских великих князей, везли книги с собой в Россию. Например, дочь Константина Мономаха, Мария, выходя за Всеволода, сына Ярослава, привезла с собой библиотеку греческих книг в качестве приданного.

– А куда же, – опешила Лиза, – Все эти книги в России девались?

– Видите ли, в чем дело... В те времена отношение к иноземным книгам было на Руси, скажем так, специфическим. Все неправославное могло быть ересью. Собственно, это отношение в нашей церкви мало изменилось с той поры. Следовательно, для начала привезенные Софьей книги, а я, как вы понимаете, убежден, что она привезла книги, нужно было спрятать подальше от глаз людских. С другой стороны, Москва в те времена была сплошь деревянной, и весьма опустошительные пожары случались в ней весьма регулярно. Один из наиболее жестоких произошел через полгода после приезда Софьи в Москву. Тогда же, кстати, Иван III послал, наверняка по наущению Софьи, своих зазывать в Рим – пригласить в Москву знаменитого на всю Италию ювелира Аристотеля Фиораванти. Нужен он был в России не столько как ювелир, сколько как архитектор. Иван III, если и признавал книги еретическими, прекрасно понимал их огромную стоимость. Так что для книг, по всему выходило, нужен был каменный склеп и желательно под землей. До строительства Кремля, начатого Фиораванти и приехавшим с ним Пьетро Антонио Солари, надежных хранилищ в Москве оказалось немного. Судя по всему, Иван III выбрал для складирования библиотеки почти ушедший в землю храм Святого Лазаря, что близко стоял у церкви Рождества Богородицы, которая служила царице и великим княгиням домашним храмом. Добытый в Дорогомилове камень, из которого еще при Иване Калите сложили церковь Святого Лазаря, был настолько плотен и так уложен, что внутрь не просачивалась вода!

– Ничего себе! – воскликнула пораженная Лиза.

– Отвлекусь на секунду, с вашего позволения, – заметив удивление Лизы, улыбнулся Беленький. – Я совершенно уверен, что необычайно плотно уложенные камни первых египетских пирамид – это чисто скифские или арийские, как вам угодно, технологии. Потом— то у египтян все пошло вкривь да вкось. Но это я отвлекся. А если вернуться к библиотеке, то следует признать, что условия для ее хранения были просто идеальные! Надо думать, книги сложили в церковь, закрыли ее и больше никогда не открывали. И вся недолга. А в 1480 году церковь Рождества Богородицы после пожара рухнула и накрыла полностью церковь Святого

Лазаря. Так что, если бы кто и захотел заглянуть в иноземные книги, у него все равно ничего не вышло бы.

Произнеся это, профессор откинулся на спинку стула с удовлетворением, будто факт погребения церкви Святого Лазаря доставлял ему большое удовольствие. Лиза по журналистской привычке отмечать у собеседника общее настроение и его перепады заговорщицки улыбнулась, словно ей тоже было приятно, что одна церковь развалилась, а другую засыпало обломками.

– Через двадцать пять лет после этого события, – продолжил профессор, – место Ивана III занял его сын, Василий. Тоже, кстати, третий.

Профессор улыбнулся, словно такие совпадения у них, у историков, воспринимаются, как забавная шутка.

– Так вот, он вдруг приказал расчистить место завала, чтобы восстановить разрушенную церковь. К тому времени и Аристотеля Фиораванти, и Пьетро Солари уже не было в живых. Вряд ли в Московии они обрели вторую родину. Скорее всего, их, знавших все секреты московской крепости, просто не выпустили из России. С создателями храма Василия Блаженного, как вы знаете, поступили много жестче. И это вероломство... Слово— то какое! – прервав неожиданно повествование, профессор с печалью в глазах произнес по слогам: – Веро – ломство, то есть ломающее веру, уничтожающее всякое доверие...

Он замолчал на несколько секунд и, будто очнувшись, продолжил:

– Так вот вероломство государей тех времен стало одной из серьезных причин того, что за работу над библиотекой впоследствии никто не хотел браться.

– Вы хотите сказать, – вмешался Стэн, – что Либерею из церкви Святого Лазаря все—таки извлекли?

– В том— то и дело! – обрадовался профессор обнаружению чуть было не потерявшейся нити разговора. – Один из земляков того самого Ивана Фрязина, который, кстати, плохо кончил из-за своих симпатий к католицизму, Алевиз Фрязин взялся за разбор завала, проник в церковь Святого Лазаря, вскрыл сводчатые подвалы ее и обнаружил там книги и свитки. Множество книг и свитков! Они лежали в ларях и просто так. И все были иностранными.

– Значит, библиотека все-таки была привезена Софьей! – воскликнула Лиза.

– Скорее всего! Потому что больше неоткуда было взяться в Москве такому количеству иностранных книг.

– А вы же сказали, что Мария привозила книги, жена Всеволода...

– Сказал, – легко согласился Аркадий Вениаминович. – Только куда привозила? В Киев, где правил Всеволод Ярославич.

– А— а— а— а...

– И как они оттуда могли попасть в Москву, и могли ли вообще – вопрос еще более сложный.

– А на книгах из церкви Святого Лазаря, как я понимаю, – встрял в общий восторг со своим скепсисом Стэн, – не было библиотечного штампа. Так что определить, откуда они, было невозможно...

– Я думаю, – поделился профессор своими догадками, – Василий не случайно начал восстанавливать церковь, а Алевиз не случайно полез в подвалы. Наверняка Софья не раз рассказывала сыну о сокровищах, хранящихся в приделе Святого Лазаря. А он, судя по всему, не был таким ортодоксом, как отец, и Софья сумела объяснить ему, насколько ценным было это сокровище.

– А почему вы так думаете? – поинтересовалась Лиза.

– Точного ответа у меня нет, но как еще можно объяснить тот факт, что Василий сразу же, как только книги были обнаружены, не велел их по примеру отца вновь замуровать – от греха подальше, а отправил на Афон грамоту с просьбой прислать для разбора и перевода на русский

язык великокняжеской библиотеки старца Савву, владевшего как греческим, так и славянским языками.

– И старец приехал в Москву?

– Нет.

– Нет?

– То есть приехал, – поправился профессор. – Только не старец, а другой человек, Максим Грек. Игумен решил, что старец попросту не дотянет до Москвы, и вместо него уговорил отправиться в Московию Максима.

– Понятно, – кивнула Лиза. – А почему нужно было запрашивать переводчика из такой дали, из Греции? Разве ближе не было знатоков иностранных языков?

– Конечно, были. Но все дело в том, что им нельзя было доверять, поскольку были они католического по преимуществу вероисповедания. А православных, которые точно уж ничего не напутают в таком важном деле, как догматы веры, можно было наверняка найти только в бывшей Византии, от которой Русь и приняла эстафету православия.

– Тоже понятно, – несколько нетерпеливо согласилась Лиза. – А что же Максим Грек? Он оставил какое-то описание Либереи?

– Если только это можно назвать описанием библиотеки, – снова увлекшись темой, оживился Аркадий Вениаминович. – Вообще говоря, различные сочинения самого Максима Грека до нас дошли. Но все, что нам известно о нем, написано в нескольких сказаниях, которые были скопированы, по— видимому, с одного первоисточника. Этот самый первоисточник приписывают поклоннику и другу старца, князю Андрею Курбскому. Максим вообще был человек незаурядный. Грек по происхождению, из богатого рода. Настоящее его имя, как теперь доказано, Михаил Триволис, хотя к нашему делу это отношения не имеет. Он был весьма просвещенным для своего времени человеком, путешествовал по Италии, дружил с известными гуманистами, но потом вдруг отправился на Афон и постригся в греческом Ватопедском монастыре под именем Максима. В 1516 году он приехал в Москву по запросу Василия III, и тот показал ему библиотеку. Максим пришел в восторг от увиденного, если верить сказаниям. Он начал с перевода Толковой Псалтыри. Насколько известно, успел перевести сочинения Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Василия Великого. А это, если вы не в курсе, все византийские богословы.

– То есть точно известно, что Максим Грек переводил в России византийские книги? – перебила профессора Лиза.

– Именно так, – охотно согласился Аркадий Вениаминович. – Известно, что он перевел жития из сборника Симеона Метафраста, книги Священного писания и их толкования. Известно, что он перевел часть Лексикона Свида.

– А это что такое?

– Лексикон Свида – это византийская энциклопедия десятого века, – с некоторым укором в голосе ответил профессор, словно его спрашивали о вещах совершенно очевидных. – Мало того, Максим Грек не раз цитировал в своих сочинениях Аристотеля, Цицерона, Плутарха. Можно предположить, что цитаты эти он помнил наизусть, но более вероятно, что он цитировал книги, которые обнаружил в царской библиотеке. Правда, славянского языка Максим не знал и переводил с греческого на латынь, а уже толмачи переводили с латыни на славянский. Для работы к нему были приставлены писцы...

– То есть сказания о Максиме тоже подтверждают факт существования библиотеки? – вмешался, наконец, долго сдерживавшийся Стэн.

– Да вот, – пожал плечами Аркадий Вениаминович, поднялся из-за стола, подошел к стеллажу и взял одну из книг. – Читайте сами.

С этими словами он открыл заложенную страницу, и Стэн с Лизой прочли подчеркнутое: «По мале же времени великий государь приснопамятный Василей Иванович сего священноерея во архимандритех Максима призвав и вводит его со своим московским митрополитом

Макарием во свою царскую книгохранительницу и показа ему безчисленное множество греческих книг».

– Читайте, читайте, – нетерпеливо подгонял профессор молодых людей, молча обменявшихся взглядами.

«Сей же инок во многоразмышленном удивлении бысть о толиком множестве безчисленного трудолюбного собрания и с клятвою изрече пред благочестивым государем, яко ни в Грецах толикое множество книг сподобихся видети».

– Как видите, приведены даже слова Максима, сказавшего о том, что никогда не видел подобных библиотек. Дальше он объясняет, что из-за отсутствия книг в Греции он еще молодым отправился учиться философии в западные страны. И потом говорит, что когда «безбожники турцы обладаша царствующим градом, тогда неции благочестивии...»

Аркадий Вениаминович прервался на полуслове, оторвал вспыхнувшие огоньком исследовательского азарта глаза от текста и пояснил:

– Максим мог точно не знать, кто именно увез книги императорской и патриаршей библиотеки из Царьграда, поэтому и говорит о Фоме Палеологе, как о некоем благочестивом человеке. Но Максим знал точно, куда были отвезены книги! Читайте дальше.

«...неции благочестивии взяша много множество греческих книг, хотяща соблюсти благочестия веры, да не до конца угаснет светило греческое православие от безбожных и богомерских турок, и тако отплыша морем в Рим».

– Если написанное правда, – снова оторвался от чтения Беленький, – то библиотека уже тогда была крупнейшей в мире. Ведь Максим до этого видел библиотеки Милана, Болоньи, Рима, обширные библиотеки Афонских монастырей. Вот такие дела...

– Вы сказали «Если написанное правда», – повторил Стэн слова профессора. – А есть основания считать, что сказанья врут?

– Некоторые полагают, что в сказаниях о Максиме Греке многое преувеличено, – досадливо поморщился профессор. – Но мне это кажется неверным. Во-первых, если бы сказитель хотел что-то преувеличить, то и сказал бы между прочим, что книг было много. Зачем ему воспроизводить слова пораженного размерами библиотеки Максима? Зачем вообще задерживать на этом факте внимание читателя?

– А во-вторых? – подогнала замолчавшего вдруг профессора Лиза.

– Ах, да! А, во-вторых, если задуматься, почему сказитель решил писать о Максиме? Полагаю, что из интереса и уважения к этой неординарной личности, которой вероломные русские монархи запретили возвращаться на Афон, да и заточили, в конце концов, по обвинению в ереси и измене в монастырь. То есть, если бы сказитель и хотел что-то преувеличить, то сделал бы это в описании благочестия самого Максима Грека. С какой бы стати ему преувеличивать размеры царской библиотеки, которая оказалась очень-очень роковой в жизни обманутого старца?

Видя, что Стэн и Лиза согласно кивают головой, Аркадий Вениаминович довольно улыбнулся и сказал:

– Есть еще и в-третьих! Историк, который не верит в сказания, никогда не носил лавров Шлимана.

– Шлиман, если не ошибаюсь, – произнесла Лиза, – это археолог, который обнаружил Трою, поверив в то, что было написано Платоном?

– Истину глаголете Лизонька, – констатировал профессор с лукавой улыбкой и, обернувшись к Стэну, добавил: – Хотя, между нами, враль он был порядочный, да и жулик к тому же известный. Позвольте взглянуть на снимки.

Стэн выставил на камере режим просмотра и, встав рядом с профессором, начал показывать ему кадр за кадром. Четыре кадра профессор попросил удалить, хотя Стэну не показалось, что историк выглядел на них «квазимодой», а на одном из удаленных его вообще не было.

Зато, как заметил Стэн, все четыре снимка отличались от прочих тем, что в объектив попали иконы и предметы антиквариата.

Заканчивая интервью, Лиза поинтересовалась, между прочим, тем, насколько активно поиски библиотеки ведутся сейчас.

– Знаете, что меня не перестает удивлять? – с лукавой улыбкой произнес профессор. – То, что в большинстве случаев корреспонденты рассказывают в своих изданиях об истории библиотеки, о ее поисках в прошлом и почти ничего не говорят о том, кто и как ищет ее сегодня.

– А ее ищут?

– С большей или меньшей активностью. Вообще над поисками навис какой-то рок – за всю историю, начиная с первых Романовых, ни разу поиски не были доведены до конца. Вот вам совсем недавний пример – Герман Стерлигов...

При этих словах Стэн и Лиза переглянулись.

– Некоторые полевые фотографии я держу вот тут, – с этими словами профессор подвел Лизу к снимкам в рамочках, равномерно распределенным по стене коридора. Здесь были в основном фото с летних раскопок – в Крыму и в Тамани, в Великом Новгороде и на Куликовом поле. По снимкам вовсе нельзя было сказать, что Аркадий Вениаминович нефотогеничен. Напротив, даже на самых последних по времени съемки он выделялся спортивной фигурой и полным молодого азарта взглядом.

– Вот на фотографии штаб поисков библиотеки, созданный Германом.

На снимке рядом с Аркадием Вениаминовичем стоял молодой мужчина, отличавшийся от других окладистой черной бородой (староверческой, как назвала ее про себя Лиза) и очками в несовременной роговой оправе.

– Вы, наверное, слышали о нем, – продолжал профессор, – Он баллотировался на пост мэра Москвы. В то время он стал председателем Московского дворянского собрания и сумел убедить многих, что искать Либерею нужно в Александровском кремле. Вот рядом с нами академик Сигурд Шмидт, кстати, сын Отто Юльевича Шмидта. Это академик Юрий Янышев, геофизик. Это Гена Зданович и Володя Кучкин, историки, доктора наук, мои коллеги. Не все попали на фотографию, кто входил в тот штаб. Нет академика Мигачева, директора института геологоразведки, нет еще...

Договорить профессору не дал неожиданно задребезжавший дверной звонок. Аркадий Вениаминович извинился и пошел открывать. Но дойти не успел. Дверь открылась без его участия, поскольку Стэн и Лиза не захлопнули ее, когда вошли. Она так и оставалась открытой во все время их разговора. Когда выкрашенное под красное дерево металлическое полотно двери отошло в сторону, взору всех стоявших в коридоре предстал мужчина средних лет с характерными залысынами. У Стэна перехватило дыхание – это был тот самый человек, который вел их с Лизой от автомобиля до подъезда.

Глава 4

– Добрый день, Аркадий Вениаминович, – поздоровался незнакомец с профессором, как со старым знакомым.

– Здравствуй, Коленька, – обрадовался ему профессор. – Заходи.

– А я смотрю, у вас дверь открыта...

– Это мой ассистент, – не обращая внимания на слова Коленьки, Аркадий Вениаминович обернулся к Стэну и Лизе. – Он мне... Вам, что, плохо?

Последние слова профессора относились к Стэну, который смотрел на вошедшего, словно на приведенье.

Несколько секунд все молчали, пока профессор, смущенно заулыбавшись, не произнес:

– Я, кажется, догадываюсь, в чем дело... Вы обнаружили за собой, как говорят в детективных романах, «хвост». Так?

Он бросил взгляд на Коленьку и с укоризной выговорил:

– Никудышный из тебя шпион.

Вновь обернувшись к гостям, профессор состроил жалобную мину и начал объясняться извинительным тоном:

– Вы уж простите старика. Я, знаете ли, боюсь, что рано или поздно кто-то из моих гостей окажется просто жуликом, и зайвится сюда ради моих коллекций икон. Поэтому стараюсь хоть как-нибудь подстраховаться. Снимки вот попросил вас стереть, на которых видно то, что может заинтересовать воров. А как только Лиза представилась по телефону, я сразу отыскал в интернете ее снимок, распечатал и дал Коленьке, чтобы он рядом с вами прошел к дому и постарался выяснить по возможности, каковы ваши планы, не задумываете ли вы против меня чего-то нехорошего. Я понимаю, как это все неприятно, и готов провалиться сквозь землю от стыда, но и вы поймите – время нынче такое, что... А прямо перед вашим приходом Коленька позвонил и сказал, что вы люди вполне приличные и никаких криминальных идей в вашем разговоре не прозвучало. Вы уж простите великодушно...

На звонок в дверь Мила Львовна среагировала не сразу. Подавленная, выплакавшая все слезы, она сидела за столом в гостиной и тупо, как могло бы показаться со стороны, смотрела на какое-то неотстиравшееся пятно, еле-еле выделявшееся на светлой скатерти. Впрочем, мысль у нее работала вполне ясно, и единственно возможное объяснение того, что произошло на даче, не вызывало сомнений. Сомнения и даже полная растерянность были в другом – что теперь делать?!

То, что звонят в дверь, Мила Львовна поняла не сразу. Когда она наконец открыла дверь, стоявшая на лестничной клетке соседка собиралась уже уходить.

– Милочка Львовна, мы вот тут собрали с нашего дома... Вам пригодится.

И соседка протянула конверт с деньгами. Мила Львовна, продолжая думать о своем, машинально взяла его и стала молча смотреть на конверт, думая, от кого могло быть это письмо. Без адреса, без подписи.

– Вы обращайтесь, когда нужно будет готовить для поминок. Я обязательно помогу, – продолжала между тем соседка, собираясь уходить.

До Милы Львовны наконец дошло, что в конверте деньги, собранные жильцами дома.

– Спасибо, – произнесла она и уставилась на соседку.

Так, молча глядя друг на друга, они постояли еще несколько секунд, и первой не выдержала соседка.

– Ну, я пойду?

Мила Львовна молча кивнула и закрыла дверь. Оказавшись в одиночестве, она положила конверт на полку перед зеркалом, прикрытым шалью, и решительно взяла с полки мобильный телефон.

Набрав номер, она долго слушала гудки, а когда наконец абонент произнес «Алло», Мила Львовна жестко, точно вбивая гвозди, произнесла:

– Я все поняла. Это ты его убил!

Поздно вечером того же дня Стэн остановил машину у своего подъезда. Они с Лизой вышли, вытащили пакеты с продуктами, и Стэн закрыл машину на центральный замок. Когда мимо прошел сосед с собакой, и они привычно поздоровались кивком головы, Стэн вдруг произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.